

АЛЕКСАНДР БОГДАНОВИЧ

1914

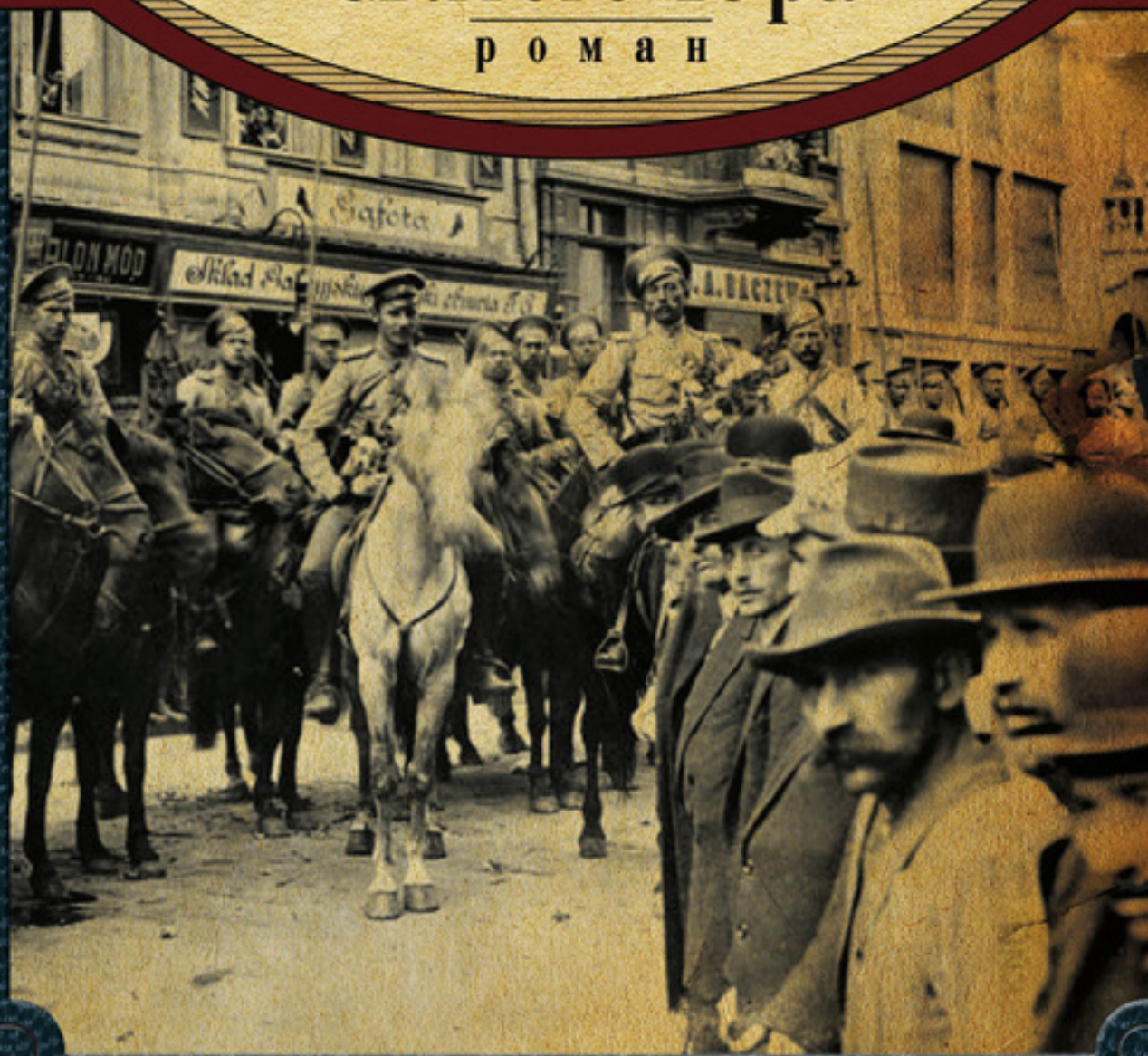

1915

ГАЛИЦІЯ

Тайна
Святого Юра

р о м а н

Александр Богданович
Галиция. 1914-1915 годы.
Тайна Святого Юра

«Центрполиграф»

2014

Богданович А. Г.

Галиция. 1914-1915 годы. Тайна Святого Юра /
А. Г. Богданович — «Центрполиграф», 2014

Первая мировая война. Львов во время его оккупации российскими войсками в 1914–1915 годах. Военный юрист, штабс-капитан Павел Белинский, прибывает из Петрограда на фронт в распоряжение штаба Восьмой армии. Незадолго до этого в Варшаве был задержан по подозрению в шпионаже подданный Австро-Венгрии некий Владислав Лангерт. При досмотре, кроме найденных у него крупной суммы денег и записной книжки, в крышке портсигара были обнаружены удостоверение и пропуск на проезд по железной дороге во Львов. Лангерт сознался, что завербован немецкой разведкой и переброшен через линию фронта в Варшаву с заданием пробраться во Львов. Белинскому предстоит сыграть роль Лангерта.

© Богданович А. Г., 2014

© Центрполиграф, 2014

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	16
Глава 6	21
Глава 7	24
Глава 8	31
Глава 9	35
Глава 10	38
Глава 11	43
Глава 12	45
Глава 13	48
Глава 14	52
Глава 15	55
Глава 16	57
Глава 17	61
Глава 18	65
Глава 19	67
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Александр Богданович Галиция. 1914–1915 годы. Тайна Святого Юра

Глава 1 На Лубянке

Уже в самом начале ознакомления с архивным делом № 749 у старшего оперуполномоченного НКВД старшего лейтенанта Ларкина возникло острое предчувствие чего-то серьез-

ного и важного. С каждой новой страницей желание узнать итог и, возможно, убедиться в абсурдности изложенного материала становилось все нестерпимее.

Последние страницы – успевшие пожелтеть подшитые листки рапортов, справок, копий протоколов и запросов Ларкин уже не читал, а бегло просматривал, стараясь не потерять канву интригующей истории двадцатитрехлетней давности.

Заключительные строчки, увы, не внесли ясности в суть излагаемых событий. Он тут же нашел и перечитал опись этого необычного дела в надежде найти ссылку на последующий том. Но продолжения не было.

Находка обескураживала. В горле запершило. Ларкин вылил из графина в стакан остатки воды и с жадностью выпил. Дрожащими от волнения руками достал из кармана пачку папирос «Трест», рассеянно помял ее и сунул назад. Затем решительно встал с намерением немедленно идти с докладом к начальству, но передумал и нервно стал ходить из угла в угол, напоминая охотничьего пса, не решавшегося расстаться с подбитой дичью. В конце концов все же схватил дело и выбежал из кабинета.

Несмотря на поздний час, работа у чекистов в центральном аппарате НКВД на Лубянке в эти июльские дни 1937 года была в полном разгаре. Сотрудники носились с документами по скрипучему паркету длинных коридоров с высокими деревянными панелями. Отовсюду доносился звук пишущих машинок. Главный репрессивный орган советской власти готовился к очередной политической акции.

Для учетно-регистрационного отдела НКВД, где работал Ларкин, расчеты и составление так называемых альбомов для будущих репрессий было обычным делом. Однако нынешняя кампания поражала своей масштабностью и национальным оттенком. Предстояло уничтожить «разветвленную шпионско-диверсионную и повстанческую деятельность стран враждебного окружения» – Латвии, Эстонии, Финляндии, Румынии и Ирана. Эту пятую колонну в условиях надвигающейся угрозы со стороны Германии возглавляла Польша. За последние двадцать лет именно ее агентура глубже других успела проникнуть во все звенья советского государственного аппарата, включая НКВД.

Архивные материалы жандармских управлений и контрразведывательных отделений штабов русской армии давали массу дополнительной информации для предстоящей акции.

Глава 2

Рузский

Первого сентября 1914 года передовые части Третьей армии Юго-Западного фронта под командованием генерала от инфантерии Рузского в результате трехнедельного мощного наступления подошли к столице Восточной Галиции городу Львову. Австро-венгерские войска отступали, неся ощутимые потери.

Задача Верховного командования – нанести противнику мощный удар силами Третьей и Восьмой армий и тем самым выполнить просьбу союзников: оттянуть часть германских войск с Западного фронта – в целом выполнялась. Однако к началу сентября тяжелые, кровопролитные бои истощили наступательный порыв русской армии. Для мобилизации свежих сил необходима была передышка. На линии фронта наступило затишье.

Австрийское командование было крайне обеспокоено неудачей в начальный период боевых действий – потери людей, территории и материальных ресурсов были значительны. Масштаб мобилизации и быстрота сосредоточения русских явилась для них крайней неожиданностью. Чтобы любой ценой остановитьдвигающуюся с востока русскую лавину, к двум действующим в этом районе армиям срочно направлялось подкрепление.

В просторной деревенской избе генерал Рузский проводил совещание своего штаба. За окном моросил мелкий дождь. Свинцовое небо редко озарялось луной, мелькавшей между бегущими облаками.

Обсуждался вопрос дальнейшего наступления на Львов. Слушали доклад начальника контрразведывательного отделения Николая Духонина. Взоры всех были направлены на обставленную многочисленными свечами огромную карту на столе. Перспектива штурма мощной оборонительной системы Львова представлялась генералу довольно мрачной. Хотя сам город не имел защитных сооружений – двойная защитная городская стена была уничтожена еще в начале XIX века, а каменная цитадель в виде оборонительной казармы с четырьмя башнями на возвышенности в самом городе в расчет не бралась, – серьезным препятствием являлись годами сооружаемые вокруг города батареи, форты и различные промежуточные укрепления.

– Я думаю, всем ясно, что для принятия ответственных решений у нас недостаточно информации? – прервал молчаливое раздумье участники командующий армией. – В конце концов, когда на карту поставлен успех всей кампании, мы не можем полагаться только на показания пленных и перебежчиков. Воздушная разведка сейчас тоже что-либо путное из-за этой паскудной погоды представить не может.

– Позвольте мне, Николай Владимирович, – решил высказаться генерал-квартирмейстер Бонч-Бруевич. – Донесения разведывательных команд генерала Щербачева, на мой взгляд, вполне убедительно свидетельствуют о том, что австрийцы не подтягивают резервы в нашем направлении и, судя по всему, не готовы организовать действенную оборону Львова. Не упускаем ли мы уникальный шанс почти с марша взять первую провинциальную столицу австрийцев?

– Слишком мало данных, чтобы начать серьезную операцию, – покачал головой Рузский. – Истории известны слова: «Еще одна победа, и я погиб». Взгляните, как далеко мы вклинились в позиции противника с незащищенными флангами. Если они рискнут собрать силы для контратаки – мы обречены. К тому же состояние дел с нашими резервами и обозами...

Сквозь свои круглые очки в стиле Виндзор генерал внимательным взглядом обвел лица присутствующих и, не заметив признаков новых возражений, резюмировал:

– Необходимо организовать завтра встречу с Брусиловым. Будем согласовывать дальнейшие действия с Восьмой армией. А вы, – обращаясь к Духонину, – проведите еще раз интенсивную разведку по всей линии Жолкев – Ярычев – река Кабановка.

Глава 3

Гнилая липа

Рузский и Брусилов – два российских генерала оставили наиболее яркий след среди других царских военачальников в Первую мировую войну. Почти одного возраста, они получили безупречное военное образование и имели опыт участия в войнах, оба служили в элитных полках империи и на ответственных должностях Генерального штаба. Уже в первые месяцы войны они стали самыми популярными генералами в России и первыми получили высшие воинские награды. Впереди Брусилова ждал знаменитый Брусиловский прорыв, поставивший на грань катастрофы австро-венгерскую армию, а затем звание Верховного главнокомандующего российской армии. Рузского же – командование фронтами и блистательные победы на немецком фронте. Позже он в качестве уполномоченного командования российской армии, в присутствии представителей Думы, примет в своей ставке из рук царя манифест об отречении от власти.

Но судьба часто бывает жестокой к своим избранникам. В разгар Гражданской войны Рузский будет взят большевиками в заложники и заколот кинжалом на кладбищенском дворе в Пятигорске, после того как с презрением отвергнет предложение возглавить Красную армию.

А на могиле Брусилова будет лежать венок с надписью «Честному представителю старого поколения, отдавшему свой боевой опыт на службе СССР и Красной армии». Однако полководец глубоко разочаруется в сделанном выборе и закончит свои дни в мучительной атмосфере недоверия со стороны большевиков и откровенной вражды со стороны русской эмиграции.

* * *

Восьмая армия генерала Брусилова к началу сентября, стремительно форсировав Буг и заняв города Тарнополь и Чертков, приступила к осаде древней столицы Червонной Руси Галича. Согласно плану Галицийской операции, войска армии должны были поддерживать основные наступательные действия Третьей армии Рузского. Это решение Ставки болезненно затрагивало самолюбие Брусилова, который считал себя не менее достойным и компетентным в управлении наступательной кампании подобного масштаба.

Судьба окруженного Галича не вызывала сомнений, однако сложное положение, в котором оказались войска Рузского, склонило Брусилова к решению срочно перебросить часть своих сил ему в помощь и атаковать противника на стыке двух армий в районе Гнилой Липы. Об этом он и сообщил на заседании своего штаба вечером двадцать седьмого августа.

Начальник штаба генерал Ломковский уже привык к нестандартным решениям своего начальника, однако последнее показалось ему крайне рискованным.

– Ваше превосходительство, Алексей Алексеевич, – обратился он к командующему, – при всем моем к вам уважении и безграничном доверии, я не могу согласиться с этим планом. Он мне представляется, простите за откровенность, авантюрным. Противник, обнаружив ослабление наших сил у Галича, незамедлительно предпримет контратаку, с которой нам не справиться. И потом, как можно осуществлять эффективные маневры в таком заболоченном районе, как Гнилая Липа, против основных сил армии Брудермана?!

Ожидая поддержки своих доводов, он перевел взгляд на генерал-квартирмейстера Деникина. Но тот молчал и, более того, своим выражением лица давал понять, что идея командующего его явно заинтриговала, правда, не настолько, чтобы сразу признать ее единственно верной в сложившейся ситуации.

Брусилов резко ответил:

– Вы не учитываете, генерал, что наш противник упустил самое важное на войне – инициативу. Решение атаковать его главные позиции именно здесь оставляю неизменным, а ваши сомнения вы можете изложить рапортом в Ставку.

В тот же день два из трех корпусов Восьмой армии скрытно снялись из-под Галича и, совершив ночной марш, атаковали центральные позиции австрийцев в районе Гнилой Липы. Неожиданность и удачно выбранная тактика атаки сыграли свою роль. В течение двухдневных ожесточенных боев сопротивление превосходящих сил противника было подавлено. Австрийцы бежали, бросая оружие, обозы и раненых. Угроза окружения заставила главнокомандующего армиями империи эрцгерцога Фридриха принять крайне неприятное решение: отвести сильно потрепанные части Второй и Третьей армий на запад, под защиту Перемышльской крепости. Судьба Львова была решена.

Лучшего подарка в свой день рождения Брусилов вряд ли мог ожидать.

Глава 4

Львов накануне оккупации

Начало Первой мировой войны столица Восточной Галиции Львов, как и все города воюющих держав, встретила в эйфории патриотизма.

Тридцать первого июля 1914 года, сразу после объявления мобилизации в Австро-Венгрии, город заполнили толпы возбужденных горожан, среди которых обильно пестрели парадные мундиры военных.

подавляющее большинство населения Галиции, имевшее счастье не знать войн в двух поколениях, без тени сомнения восприняло манифест отца отечества Франца-Иосифа и слепо поверило в необходимость воевать.

В этом единодушном порыве масс было что-то захватывающее и величественное.

Мгновенно прекратились национальные и религиозные споры, исчезли противоречия между сословиями. Всех в одночасье охватило глубокое чувство единения, братства и готовности к самопожертвованию ради великой победы.

Стены города покрылись плакатами, прославляющими императора Франца-Иосифа: *Tysiakrotnie niech zyje nasz Najwyzszy Wodz, Cesarz i Krol Franciszek Jozef I*¹.

На улицах, площадях и в парках до полуночи гремели полковые оркестры и распевались патриотические песни. По гранитной мостовой звонко стучали кованые копыта кавалерийских эскадронов, чеканили шаг пехотные полки. Толпа приветствовала их цветами и радостными криками: «Да здравствует император! Да здравствует Австрия! Да здравствует Польша! Долой Россию, да здравствует война!»

У дворца наместника, главной комендатуры и вокруг памятника Мицкевичу проходили нескончаемые манифестации, на которых звучали верноподданнические речи и призывы вступить в армию. Романтика военных приключений и подвигов во имя благородных целей звала молодых львовян под знамена императорской армии. С хмельным ликованием и песнями шли они по улицам города на мобилизационные пункты.

* * *

Торжественно проходили богослужения в переполненных народом Латинском соборе, греко-католической церкви Святого Юра, синагоге Золотая Роза и Армянском кафедральном соборе.

Чиновники магистрата и наместничества, ректорат университета имени Яна Казимира, работники суда и коммунальных служб, члены общества взаимной помощи литераторов и артистов, педагогические общества, почтовые управленцы, администрации табачной фабрики, фабрики ликеров и водок Бачевского и городских живодерен, знатные и известные горожане и простые мещане спешили жертвовать серебро и золото на алтарь победы.

Свою готовность немедленно выступить против врага демонстрировали польские стрелческие дружины и скауты.

Срочно созданная Украинская головная рада принялась за формирование своих украинских сечевых стрельцов и обратилась к украинскому населению с призывом: «Жертвою майна и крови доказати вірність для його освяченої особи, для династії престолоа».

Еврейская община города не ограничилась собранными для вооружения польских легионов пятьюдесятью тысячами крон, а по инициативе раввина Хойзнера создала из собствен-

---

¹ Да здравствует наш высший вождь, император и король Франц-Йозеф I (пол.). (Здесь и далее примеч. авт.)

ной молодежи небольшое военное подразделение, которое сразу же приступило к усиленным тренировкам.

Оказать всяческую помощь наследникам великого Арпада² призвал соотечественников Венгерский комитет.

* * *

Вскоре по Городецкой и Казимировской³ улицам в сторону Жолквы и Равы-Русской нескончаемым потоком потянулись императорские войска: пехота, отряды краевой обороны, саперы, уланы, драгуны, хузары, хондеры, эскадроны артиллерии, понтонные части, мотористы, циклисты и пекарни.

Зрелище этого мощного военного потока и первые победоносные реляции с фронта ни у кого не оставляли сомнений в том, что войска империи успешно громят российскую армию и этим вершат судьбу мировой войны.

Неожиданно по городу разнесся слух: «Пленных ведут!» Толпы людей хлынули на улицы взглянуть своими глазами на существ, которые осмелились с оружием в руках выступить против Австрии и теперь *«сжигают села и города, насилуют женщин, отрезают пленным уши и языки, пронзают пиками детей»*.

Российские пленные, с изможденными лицами, грязные и потные, медленно двигались по улицам города. Их вид не вызывал ничего, кроме сочувствия, но возбужденная толпа встретила их оскорбительными выкриками, плевками и даже палками и камнями.

Эмоции явно перехлестывали через край, и комендант города на следующий день в своем очередном указе вынужден был признать, что поведение горожан в отношении пленных *«не соответствует культурному народу и выходит за рамки международного права»*.

Патриотический психоз населения еще некоторое время поддерживался сводками с фронта об *очередных победах* австро-венгерских войск и *огромных потерях русских*, однако живые проявления военного времени на улицах города исподволь меняли настроения горожан и заставляли задуматься, настолько ли близка победа.

Парадная форма военных сменилась полевой. Госпитали, школы, гимназии и монастыри все больше заполнялись ранеными. Новобранцы и ополченцы уже не обещали родным при расставании встретить Рождество дома. Вскоре был введен комендантский час, и населению предписывалось сдать все имеющееся оружие. Закрылись питейные заведения, а также все русские организации и издательства.

Город все больше охватывали хаос и неразбериха. Обезумев от легкой наживы и безнаказанности, расплодившиеся как грибы преступные банды среди бела дня грабили магазины, склады и случайных прохожих, опустошали оставленные владельцами дома и квартиры.

Тягостное впечатление производили курсирующие между вокзалом и городскими госпиталями трамвайные платформы с ранеными. И совсем удручающе выглядели позаимствованные у мебельной фабрики Тушинского огромные повозки в четыре вола, на которых в места захоронений вывозились трупы.

Вскоре уже небезопасным стало пересказывать новости и обмениваться мнениями о происходящем. Не редкостью стали публичные казни без суда и следствия пойманных шпионов и дезертиров. Началась активная охота за всеми, кто когда-либо проявлял симпатии к России и православной вере. За донос на русофила, тысячи которых уже заполнили львовские тюрьмы,

---

² Арпад (850/855—907) — вождь венгров, основатель династии Арпадов.

³ Теперь улица Городецкая.

власти сулили вознаграждение от пятидесяти до пятисот крон. Чтобы угодить в тюрьму или концентрационные лагеря Терезин и Талергоф, достаточно было признать родным русский язык, хранить русские книги или иконы или даже в прошлом совершить поездку в Россию или на Украину.

Мрачные предчувствия усилились, когда население стало привлекаться к возведению оборонительных валов, рытью окопов и вырубке леса в районе Брюховичи и Дубляны⁴.

С востока стала доноситься пушечная канонада, в городе появились первые беженцы, а в небе закружили вражеские аэропланы, по которым жандармы стреляли из карабинов.

Двадцать седьмого августа во Львове случилась паника. Рейд кавалерийских разъездов генерала Щербачева в окрестностях Львова породил слух о вступлении русских в город и жестокой расправе казаков над мирным населением. В один миг улицы города от костела Святого Антония до привокзальной площади превратились в скопище обезумевших от страха людей, доверху загруженных пожитками автомобилей, повозок, фур и трамваев, пеших и конных, безоружных и вооруженных рекрутов и раненых из госпиталя в окровавленных повязках и на костылях. С грохотом закрывались ставни магазинов и лавок.

Это массовое безумие сопровождалось неистовыми криками: «Москали! Стреляют! Утекайте!», призывами о помощи, воплями женщин и криком детей, звучными ударами кнутов, злобной руганью возниц и водителей, выстрелами в воздух жандармов, безуспешно пытавшихся навести порядок.

Паника продолжалась более четырех часов, однако казаки так и не появились, и горожане стали возвращаться домой.

Львов снова погрузился в состояние томительного ожидания смертельной опасности, так знакомой ему со времен татарских набегов, бунтов Хмельницкого и интервенции шведов.

---

⁴ Брюховичи, Дубляны – поселения возле Львова.

Глава 5

На трамвае по Зеленой

Советник Львовского городского магистрата профессор Станислав Червинский вышел из своего особняка на Кохановского и уверенной походкой, отличающей солидного чиновника от заурядного служащего, направился к трамвайной остановке. Он спешил в ратушу, где в пять часов пополудни должно было состояться заседание магистрата накануне ожидаемого вступления в город российских войск.

Для поездок на службу и по личным делам в распоряжении советника всегда был служебный автомобиль зятя – чиновника краевого отдела. Но вот уже неделя, как тот со всем отделом эвакуировался в Криницы⁵. Червинский решил ехать в магистрат на трамвае, чтобы собственными глазами взглянуть на происходящее сейчас на улицах города.

Большая часть служащих государственных учреждений, владельцы банков, фабрик, домов, магазинов и прочие состоятельные граждане города уже успели перебраться с семьями в Краков и Вену.

Советник остался в городе из-за жены, которая еще не оправилась после тяжелой болезни. Кроме того, у него было стойкое ощущение, что все происходящее – это ненадолго и войска кайзера уже завтра соберутся с силами и отвоюют утраченное. Вместе с ним остались и его дочери – Елена и Анна, не пожелавшие оставить родителей одних. Восемнадцатилетний сын Павел в первые дни мобилизации записался в стрелецкие дружины, с которыми отбыл в сторону Кракова.

В трамвае советник занял место рядом с пожилым господином в котелке с тростью, у которого и поинтересовался стоимостью проездного билета.

– Откуда я могу знать, – раздраженно ответил тот, – неделю назад была марка двадцать два геллера. Сейчас такой хаос, с каждым днем все дорожает...

Трамвай резко дернулся и медленно пополз по улице Святого Петра и Павла⁶ мимо Лычаковского кладбища.

– Cholera jasna!⁷ – вскрикнула полная дама. – Он что, дрова везет?

– Made spokoju⁸, пусть пани благодарит Бога, что вообще едет, – прикрикнул на нее мужчина с военной выправкой, – весь трамвайный парк призван в войско! Трамваи теперь водят волонтеры из Политехники⁹.

– Прошу прощения, – неожиданно к советнику обратился сосед, заискивающе улыбаясь, – не является ли пан членом магистрата, паном... Червинским?..

– Да, вы правы, – ответил советник, не особенно удивившись. Его часто узнавали в городе.

Пассажиры трамвая с любопытством и недоверием повернулись в его сторону.

– Ежи Вуйцык, служащий городского бюро по продаже скота и мяса, – представился сосед. – Я, собственно, еду в Краевой банк и не знаю – верно ли, но слышал, что там начали выдавать вклады и пенсии. Не знаете ли вы что-нибудь об этом?

---

⁵ В настоящее время Криница-Здруй – курортный городок в Бескидах на юго-востоке Польши.

⁶ Теперь улица Мечникова.

⁷ Польское ругательство.

⁸ – Успокойтесь (пол.).

⁹ Политехнический институт.

– Мне об этом ничего не известно, – ответил профессор. – Этим занимается исключительно вице-премьер Шляйхер. Но если не ошибаюсь, все девизы¹⁰ уже вывезены из города. Хотя, пожалуй, директор банка пан Милевский еще на месте.

– А что еще можно ожидать от наших властей? – раздался сиплый голос толстяка с мутными глазами, синюшным носом и стойким запахом перегара. – Они раздали все деньги своим чиновникам, оплатили их расходы на эвакуацию, на эти легионы, а о жалованье рабочим, пенсиях вдовам и сиротам и не вспомнили.

Червинский сообразил, что сказал лишнее, и, надеясь уйти от неприятной темы, демонстративно отвернулся к окну, однако продолжал с любопытством прислушиваться к разговорам горожан.

Военное положение сближало незнакомых людей и побуждало делиться своими мыслями и впечатлениями, а трамвай был для этого весьма подходящим местом. Ведь на ближайшей остановке источник панического слуха или крамольного анекдота мог спокойно сойти и остаться никому не известным.

Новость о расстреле за шпионаж сына известного львовского адвоката на Цитадели советник уже слышал ранее, его сейчас больше занимал разговор стоящих рядом двух молодых крестьян с рекрутскими мешками.

Невже москалі будуть у Львові? – спрашивал один из них.

Другой быстро закивал:

– Так, бачиш, всі тікають. Більшість заможних панів вже заладувала майно на тягрове авта і повтікала з міста¹¹.

– То як же Австрія, зі своїм вишколеним військом, найдосвідченими генералами, має програти війну? З ким? З москалями, яких маленька Японія збила на капусту?¹²

Трамвай повернул на Лычаковскую и резко остановился. Вошли гимназисты, обувь и штаны у них были измазаны глиной.

– Ну что, хлопцы? Все готово к приему москалей?! – с издевкой крикнул им толстяк, оскалив желтые зубы.

Юноши смущенно заулыбались, а полная дама с горечью произнесла:

– До чего мы дожили! Детей заставляем окопы рыть.

Червинский изумленно посмотрел на соседа.

– Они едут из Винников, – разъяснил тот. – Ведь это сейчас главный форпост нашей обороны. Говорят, там неплохо платят за земляные работы.

– To wszystko do dupy¹³, – не унимался толстяк. – Москали войдут в город с Замарстынова.

– Не говорите чепуху, – возразил мужчина в железнодорожном кителе. – Немцы не пустят их в город. Вы разве не слышали, что они уже взяли Калиш и вот-вот придут к нам на помощь?

– Я думаю, их помощь не пойдет дальше советов, где копать могилы для наших ребят, – с горечью заметила полная дама.

Она, видимо, имела в виду недавний приезд во Львов немецких офицеров, инспектировавших фортификационные работы вокруг города.

Советник посмотрел в окно. Трамвай догнал бричку с крестьянской семьей. Следом шла подвода, доверху груженная домашним скарбом. Сзади бежали привязанные собаки.

Червинский уже имел опыт общения с русскими. Это было еще в детстве, когда его семья жила в Варшаве. В польском обществе уже тогда сложилось стойкое мнение о русских чиновниках как о безнравственной привилегированной касте, которых можно купить за стакан водки

---

¹⁰ Девиза (*фр. devise*) – любое денежное средство, выраженное в иностранной валюте.

¹¹ – Видишь, все бегут. Большинство богатых панов уже загрузили вещи в автомобили и сбежали с города (*укр.*).

¹² – А как же Австрия, с ее вышколенным войском, опытными генералами, могла проиграть войну? С кем? С москалями, которых маленькая Япония порубила как капусту? (*укр.*)

¹³ – Это все до задницы (*пол.*).

или интимные услуги. После так называемых Варшавских манифестаций, появился указ о преподавании в школах и общении между школьниками только на русском языке. Молодежь это раздражало. В гимназии появились новые преподаватели – отставные российские офицеры и чиновники, ранее командированные в королевство, которые, однако, не могли серьезно заинтересовать учеников русской историей и литературой. Да и стоило ли ее любить, русскую литературу, если она еще со времен Радищева, славившая свободу и милость к падшим, ни одного доброго слова не сказала об угнетенных русской державой поляках.

После подавления Польского восстания царскими войсками его отец, известный в Варшаве адвокат и общественный деятель, вместе с семьей бежал в Галицию, где молодой Червинский закончил Львовский университет, стал профессором и авторитетным членом множества городских общественных образований.

Теперь трамвай обгонял лошадей, тащивших пушку с исковерканным лафетом. Ехавший верхом поручик с перевязанной головой злобно выругался, когда трамвай чуть не наехал на семенящих с отрешенным видом канониров.

Все происходящее вокруг представлялось советнику мучительно затянувшимся кошмарным сном, который он не в силах был прервать. Еще месяц назад он с женой отдыхал в Германии на острове Гельголанд – популярном курорте состоятельной львовской публики. Политика мало интересовала пожилую чету, да и разговоры о возможной войне казались несерьезными. Наслаждаясь природой этого живописного уголка Северного моря, они строили планы на будущее: говорили о покупке летнего дома в Дублянах и предстоящей учебе сына в Венском университете...

Неожиданно трамвай резко остановился, и в вагон втиснулся жандарм. Его грозный взгляд остановился на крестьянах.

– Co to za panstwo?¹⁴

– Ми з Золочіва. Прямуємо на збір січових стрільців, – растерянно ответил один из парней.

– Prosze wyjsc!¹⁵ – громко скомандовал жандарм.

– Проше пана, але нам треба на Зелену п'ять, – попытался объяснить украинец.

– Milczec, zaraz my tu gadamy! Co mi tarn jakis strelcy!¹⁶ – грубо оборвал его жандарм.

– Marsch heraus, Sie Schweinker!¹⁷ – прозвучал снаружи голос еще одного жандарма с револьвером в руке.

Собрав покорно свои котомки, крестьяне стали выходить из вагона.

– Нельзя же всех русинов подозревать в измене. Это не приведет к добру! – взволнованно проговорила полная дама, когда трамвай снова тронулся.

– Иначе нельзя, – уверенно заявил мужчина с военной выправкой. – Вчера одного из них поймали на крыше Промышленного музея с фотоаппаратом. И вообще, еще неизвестно, что они выкинут, когда москали войдут в город.

– Совершенно верно, – поддержал его железнодорожник. – Вы слышали? В Клепарове они раскрутили болты на железнодорожных путях, а на Левандовке порезали телеграфные провода.

Не проехав и остановки, трамвай был снова остановлен, на этот раз военными. Всех высадили, кроме железнодорожника. Вагон стал заполняться ранеными из соседнего госпиталя для доставки их на вокзал.

---

¹⁴ – Кто такие? (пол.)

¹⁵ – Прошу выйти! (пол.)

¹⁶ – Молчать, сейчас тут мы решаем! Что мне какие-то там стрельцы! (пол.)

¹⁷ – Вон отсюда, свинья! (нем.)

Дальше советник пошел пешком. Проходя по Веклярской, он стал свидетелем того, как конная полиция оттесняла огромную толпу от сберегательной кассы. Перед синагогой Золотая Роза кучка евреев что-то оживленно обсуждала. Поводов для этого у них было достаточно. Рассказы беженцев о чинимых казаками погромах уже заставили треть еврейского населения покинуть город.

Возле ратуши профессора, как всегда, с улыбкой приветствовал швейцар Станислав. С конфедераткой на голове и лихо закрученными усами, он был невозмутим, как стоящие рядом на страже каменные львы.

Большой зал магистрата был заполнен не пожелавшими покинуть город государственными и общественными мужами. Ожидали исполняющего обязанности президента города Тадеуша Рутовского. Сам президент Нейман с заместителем Кориловским накануне специальным поездом эвакуировался в Новый Сонш.

Червинский увидел группу знакомых профессоров и направился к ним, отвечая по ходу на приветствия.

Минуя группу львовских эндеков¹⁸, он услышал голос их лидера Станислава Грабского, возмущавшегося военным вступлением в Польское королевство отрядов мало кому известного Пилсудского:

– Его действия можно назвать самозахватническим актом.

– Я осмелился бы сказать больше, – вторил ему голос однопартийца, – это очень смахивает на шахматный ход немецкого и австрийского штабов.

Депутаты сейма обсуждали обращение главнокомандующего российских войск к полякам, которое накануне было разбросано в листовках с аэроплана.

Служащие магистрата говорили о слухах отравления городского водопровода.

– Это чистый вымысел, – уверял своих коллег один из них. – По нашему поручению горный химик доктор Хенрик сделал все необходимые анализы. Сейчас надо говорить не о воде, а о еде. Если не принять меры – через пару дней в городе не миновать голода.

Коллеги Червинского взволнованно рассуждали о возможной реакции министерства и Генерального штаба в Вене на возможные контакты львовской общественности с российскими оккупационными властями.

– Не стоит сомневаться, господа, – успокаивал их ректор Львовского университета Станислав Станинский. – Рутовский наверняка имеет соответствующие санкции по этому поводу из Вены. Однако я считаю весьма неосмотрительным задавать ему этот вопрос сегодня публично, ведь мы, возможно, уже завтра будем на оккупированной территории...

Профессора многозначительно закивали. Ректор в эти дни был очень популярен среди патристически настроенной общественности города. Он полностью экипировал за свой счет рядового стрелеческих дружин, и этот поступок, как достойный подражания, был отмечен в местных газетах.

Наконец в зале появился сам Рутовский в сопровождении вице-президентов – доктора Штала и доктора Шляйхера. Участники заседания стали рассаживаться.

– Господа, – уверенным голосом начал свою речь Рутовский, – я рад приветствовать присутствующих здесь патристов, которые имели мужество принять непростое решение остаться в родном городе и посвятить себя благородному делу защиты населения от жестокостей оккупантов, сохранения исторического величия города, его научных и общественных институтов.

Для нашего города наступили тяжелые времена. Неудачи наших войск заставили покинуть Львов верховную власть и значительные воинские подразделения, предоставив город самому себе. Нашему древнему городу с многовековой историей, богатейшим опытом народного и государственного бытия, его сокровищами, огромными промышленными возможно-

---

¹⁸ Эндексы – лояльная к российским властям польская партия народных демократов.

стями и накоплениями граждан грозит серьезная опасность, если в нем не установятся порядок, согласие и понимание.

Нам предстоит принять важные решения относительно встречи неприятельских войск, сформировать орган общественной безопасности и выработать меры по предупреждению возможных провокаций со стороны населения в отношении российских войск.

Главное, мы обязаны не допустить военных действий в городе и жестокого обращения оккупантов с нашими гражданами, уберечь население от грабежей и хаоса.

Рутовский накануне уже согласовал тему и решения совещания с оставшимися в городе лидерами политических и религиозных объединений, которых, однако, еще сильно одолевали сомнения в легитимности предложенной новым президентом тактики в условиях непривычной для всех оккупации.

Лидер еврейской общины города Якуб Диаманд, в целом согласившись с планом президента, все же заметил, что евреи, как истинные граждане империи, присягнувшие на верность цесарю, оставляют за собой право принимать только те решения, которые, по их разумению, соответствуют гражданскому долгу и не несут признаков пособничества или какого-либо признания законности присутствия в городе оккупационных властей.

Нелегко прошли переговоры с украинской общиной. Прежде чем согласиться с намерениями президента, руководитель Украинского совета Павлик долго сетовал, что в минуту тяжелых испытаний польские и еврейские общины города отдают предпочтение собственным интересам, а не общим целям. По его словам, никто из них не поддержал протесты Украинского совета, когда военные власти проводили массовые депортации и казни земляков-русинов по ложным обвинениям в измене. Он также не забыл напомнить, что руководство магистрата игнорировало нужды украинских стрельцов при распределении средств на формирование военных дружин.

– Город открыт, ему ничего не угрожает, – продолжал свою речь Рутовский. – Но какой-нибудь глупый поступок одного сумасшедшего может стать причиной больших несчастий. Мы должны призвать население поддерживать спокойствие и порядок, не допускать паники и тем более провокаций. Магазины, особенно продовольственные, должны быть открыты...

Совещание закончилось записью добровольцев в городскую стражу, которая, по замыслу отцов города, должна стать действенным органом по поддержанию порядка во время оккупации. Вслед за ректором университета Станинским и бывшими наместниками Галиции Бадени и Пининским поставил свою подпись и Червинский, за что удостоился горячего рукопожатия начальника стражи, судебного советника Адама Шнайдера.

Домой советник возвращался уже на фиакре. Несмотря на стремительное приближение фронта, нанять фиакр или одноконные дрожки за три марки или около того в городе было еще возможно. Трудности возникали при расчетах с извозчиками – в городе исчезала серебряная монета, которую население прятало на черный день.

А черный день, судя по все усиливающейся канонаде на востоке, уже пришел.

Глава 6

Вступление русских войск во Львов

Третьего сентября¹⁹ 1914 года войска Третьей армии Юго-Западного фронта вступали в столичный город Львов, названный так по имени сына князя Галицкого.

Темно-зеленый «лесснер» образца 1907 года командующего армией генерала Рузского лавировал между бесконечными колоннами пехотинцев, кавалерийских эскадронов и артиллерии. Шофер не снимал руки с клаксона, нещадно пугая непривычных к автомобилям лошадей.

Навстречу войскам по обочине медленно брели пленные. На подводах везли раненых. В бричках и телегах, доверху загруженных домашней утварью, детьми, клетками с домашней живностью, ехали беженцы.

Пестрая картина военного марша не вызывала эмоций у генерала. С непроницаемым лицом он задумчиво смотрел на места недавних боев: дымящиеся остатки блиндажей, торчащие стволы разбитых пушек, перевернутые лафеты, разбросанные колья с колючей проволокой, окровавленные клочки темно-серых кителей и солдатского белья.

На перекрестке виднелся деревянный крест с висевшим на нем простреленным офицерским кепи, ниже была надпись *Albert Kummer, gefallen 29.08.14*²⁰.

Ближе к городу показались укрепления австрийцев, не тронутые боями. Очищенные для обстрела огромные территории с проволочными заграждениями до шестнадцати рядов, многочисленные убежища и траверсы.

«Насколько же упал боевой дух австрийцев, – подумал генерал, – если при таких оборонительных сооружениях они не решились оказать нам сопротивление?»

Передача ключей от города уже состоялась накануне на Лычаковской и Жовковской рогатках²¹. При этом исполняющий обязанности президента города Рутовский выслушал условия занятия города русской армией от начальника сорок второй пехотной дивизии генерал-лейтенанта фон Роде. Тогда же был оговорен вопрос с шестнадцатью заложниками.

Решение противника сдать важный военно-административный центр Галиции город Львов для русских было полной неожиданностью. Сам Рузский окончательно поверил в это лишь после донесения надежного агента об эвакуации из города штаба командующего Третьей австрийской армией генерала Брудермана. В глубине души генерал сознавал, что достигнутый успех был бы невозможен без своевременных и решительных действий Брусилова, кавалерийские разъезды которого к тому же первыми вошли в город. Но делить победу на двоих, тем более такую, было не в его правилах.

Новость о взятии столицы Галиции, освобождении «русской земли после 565-летнего гнета доблестными войсками генерала Рузского» моментально распространилась в российской столице, только что переименованной из Санкт-Петербурга в Петроград, и вызвала бурный восторг. Имя генерала было у всех на устах. Из Ставки ему доверительно сообщили, что готовится приказ о его награждении орденом Святого Георгия четвертой и третьей степеней.

Автомобиль въехал на брусчатку узких улиц города. Город сразу напомнил Рузскому Варшаву. Однако дома здесь казались не такими шаблонными, что определенно придавало им некоторый немецкий стиль. Генерала поразило обилие дорогих материалов и утонченность в декоре фасадов зданий. Утопающие в зелени многочисленные скверы и площади еще больше подчеркивали красоту этого города, улицы которого были полны народу. Казалось, все насе-

---

¹⁹ По новому стилю.

²⁰ Альберт Кюммер, погиб 29.08.14 (нем.).

²¹ Рогатка – так назывался во Львове въезд в город с таможенной заставой.

ление вышло посмотреть на марш победителей. В воздухе стоял резкий запах человеческого и конского пота, дегтя, кожи и навоза. Под грохот и скрип автомобилей и повозок, цокот конских подков, пение и удалой свист солдат по центральным улицам нескончаемыми колоннами шли бородатые мужики в длинных серых шинелях с подвернутыми подолами, в простых солдатских гимнастерках с многочисленными пуговицами, обмотках вместо сапог, с подвязанными к поясу кружками и чайниками. На плечах они несли винтовки с длинными, как сабля, треугольными штыками. Офицерские кители с обилием кожаных ремней, карманов и всяческих знаков отличия напоминали английские френчи. Странно было видеть в этом армейском потоке домашних животных и огромные возы с сеном и соломой. Кавалерия русских сильно контрастировала с привычными для львовян стройными, щегольски нарядными проходами австрийских полков, но все же смотрелась мощнее и воинственнее венгерских гусаров.

Впервые жители Львова увидели русских солдат более полувека назад, когда российский император Николай Первый направил сюда свою армию, чтобы помочь австрийскому императору подавить венгерское восстание. Тогда местные русины были немало удивлены тем, что легко понимают язык москалей.

Сейчас в любопытных и настороженных лицах львовян можно было прочитать немой вопрос: что несет им это новое азиатское нашествие?!

Сохранив город нетронутым, ратная волна стремительно двинулась дальше раскрепощать родных братьев по крови, уже лемков и гуцулов.

Автомобиль Рузского проехал город и повернул в сторону Каменки-Струмиловской – новому месту дислокации штаба армии, и мысли генерала сразу вернулись к планам предстоящих боев. Львовский гарнизон с прилегающими районами переходил в сферу действий Восьмой армии генерала Брусилова.

Жизнь в галицийских городах и селах стала резко меняться на новый лад. На львовской ратуше развевался трехцветный российский флаг, а орел австрийский был заменен на орла российского. Было введено петроградское время, австрийскую крону приравняли к половине рубля. На улицу вышли городовые, появилась жандармерия, начало действовать охранное отделение. Все прежние объявления на польском языке были сняты или залеплены предписаниями новых властей. Запрещалось появляться в городе после девяти часов вечера и продавать любые алкогольные напитки. Приказывалось сдать все оружие и амуницию. Неисполнение приказов влекло за собой военный суд, а фактически – смертную казнь или длительное заключение.

Население в целом с пониманием отнеслось к мерам военного времени и старалось приспособиться к новым условиям. Чиновники, которые не успели или не пожелали эвакуироваться, а также прочий люд, лишенный источников дохода, занялся торговлей. Появились новые магазины, торгующие товарами из России: табаком, икрой, соленой рыбой и мукой.

В первые дни оккупации российские власти действовали весьма мягко и осторожно, и их действия не вызывали у населения особых жалоб и нареканий. Первый царский губернатор генерал фон Роде управлял городом лишь нескольких дней. Во время пребывания в Яворове он был смертельно ранен. Новым губернатором стал бывший волынский правитель полковник Шереметьев. Он слыл среди горожан аристократом с особыми манерами, человеком уравновешенным и вежливым в общении. Уже на следующий день своего назначения полковник появился на заседании городского совета в ратуше и произвел обмен речами, полными теплоты и учтивости, с временным президентом города Рутовским.

– Я прошу принять от имени города доказательства высоких чувств и слова горячей благодарности, – начал свою речь президент на французском, – за то, что пан экселенция губернатор, человек большого сердца и благородных чувств, старается выполнять свои функции военного губернатора в гуманистическом духе...

– Очень приятно с вами познакомиться, – отвечал на русском, а потом также на французском Шереметьев, – я желал бы обсудить с вами не политические вопросы, а условия нашего сотрудничества для нормального существования этого прекрасного города, сохранения той благородной атмосферы, которая поддерживается здесь благодаря вашим усилиям.

Но необычно чуткие и обходительные отношения между чиновниками магистрата и оккупационными властями продолжались недолго. Уже через пару недель военным генерал-губернатором Галиции был назначен граф Бобринский, власть которого распространялась уже на четыре вновь образованные российские губернии: Львовскую, Галицкую, Перемышльскую и Черновицкую. Главным приоритетом нового генерал-губернатора было превращение Львова в истинно русский город, к чему он сразу и приступил. Последовало закрытие общественных и научных учреждений, передача школ под нужды Красного Креста, ограничения в торговле, передвижении и использовании польского языка.

Глава 7

В Бродях

Галицийский город Броды и российский Радзивиллов более двух веков были тесно связаны главным источником своего существования – торговлей. Das Zollamt²² – с одной стороны и в пятнадцати верстах таможенный пост – с другой разделяла колючая проволока с пограничной охраной.

Галиция была отделена от восточного соседа не только солдатскими кордонами, их разнила цивилизация, образ мыслей и стиль жизни.

Галицийские власти освободили город Броды от пошлин, надеясь сделать его мощным торговым центром на востоке империи. Однако эти планы, как, впрочем, и другие перспективные проекты относительно Галиции, не осуществились. Вена всегда подозрительно относилась к идее экономического развития своей восточной провинции, а в сейме со стороны польских депутатов продолжали слышаться нарекания о том, что Броды ничего не дают галицийскому народу, потому что город полностью находится во власти евреев и их одесских торговых связей.

С началом войны Броды и Радзивиллов первыми подверглись бомбардировкам и разрушениям. Однако их железнодорожные станции были быстро восстановлены по причине большой стратегической важности для всего Юго-Западного фронта. Именно здесь осуществлялись перегрузки российских воинских грузов и личного состава с вагонов широкой колеи на узкоколейные европейские, формировались эшелоны для отправки на фронт и составлялись маршевые роты.

Центральная гостиница «Европа» в Бродях в эти дни была до отказа заполнена офицерами. Порядок изо дня в день оставался неизменным: каждое утро постояльцы разъезжались: одни на фронт, другие на родину, а их место занимали вновь прибывшие.

Военный следователь капитан Белинский ожидал рассвета в фойе гостиницы в компании четырех офицеров и одного штатского. На столе перед ними лежали остатки закуски. Рядом на диванах и в креслах дремали офицеры. Группа молодых офицеров, окутанная густым табачным дымом, играла в пул. В промежутках между их азартными возгласами слышалось постукивание мелкого дождя по подоконнику и гудки паровозов со станции.

Утром на военном поезде, курсирующем между Бродями и Львовом, Белинскому предстояло проследовать к месту назначения – в штаб Восьмой армии Юго-Западного фронта.

Приказ отбыть на фронт стал для капитана неожиданностью. Будучи включенным в состав государственной комиссии по расследованию шпионской деятельности иностранных компаний в России, он считал делом бесполезным ходатайствовать о своей отправке на фронт.

С самого начала войны тема шпионажа иностранных фирм в России была у всех на устах, и общественность с нетерпением ждала громких разоблачений. Капитан участвовал в разработке сотрудников немецких филиалов американской компании «Зингер». Уличить их в шпионаже так и не удалось, комиссию сократили, и Белинский в числе других следователей был направлен на укрепление создаваемых контрразведывательных отделений штабов армий.

Особых хлопот со сборами и прощаниями не было. В свои двадцать семь лет капитан был холост. Единственная из родных – мать после гибели мужа на Японской войне проживала в небольшом имении под Вильно. О своем отъезде на фронт он решил сообщить ей позже.

---

²² Таможня (нем.).

– Мы были обречены, нас просто бросили на произвол судьбы, – уже порядком охмелев, картавил молодой прапорщик с перевязанной головой, – ни врачей, ни сестер, ни кухни, ни чистого белья, ничего. Мне повезло больше других – я был в сознании, пуля попала в щеку и вышла возле шеи под подбородком, не задев ни костей, ни зубов, ни языка. Вокруг просили пить, глухо стонали, как из подземелья. Многие не подавали признаков жизни, от них шел такой тяжелый дух, что от одного этого можно было помереть... Утром нас, офицеров, кто был еще в сознании, успели вывезти на подводе, остальных оставили австрийцам.

– Что тут говорить, – после небольшой паузы заговорил ротмистр в потертом, выцветшем полевом кителе без верхней пуговицы, – отсутствие санитарных частей – не единственная беда. У нас не хватает снарядов, продовольствия, транспорта. Я не раз видел, как гибнут от голода лошади, – сена и овса тоже нет.

Ротмистр глубоко вздохнул и с горечью добавил:

– Надо признать, господа, войска у нас в хаотическом состоянии, мы не готовы к энергичным действиям.

– Я думаю, ротмистр, вы немного преувеличиваете, – возразил ему господин средних лет в очках и новой форме со знаками вольноопределяющегося²³. – Все это обычные, неизбежные издержки любого массированного наступления. Главным же является то, что боевой дух наших войск сейчас как никогда на высоте, и следствие этого – наше уверенное продвижение к Карпатам.

– Вы, господин вольноопределяющийся, называете это обычными издержками наступления? – блеснул глазами ротмистр. – А я называю это... – Он закашлялся и хрипло закончил: – По меньшей мере безалаберностью тыловой службы и нераспорядительностью нашего Генерального штаба.

Снова наступила пауза.

Белинский с любопытством смотрел в небритое, осунувшееся лицо ротмистра и думал о том, насколько все услышанное им в эту ночь расходится с официальными сообщениями о событиях на фронтах.

Пожилой подполковник со следами оспы на лице нервно постукивал пальцами по столу и рассматривал висевшие над роялем портреты декольтированных дам. Было заметно, что спор между офицерами был ему не по душе.

– Голубчик, не считите за труд, велите принести нам еще чаю, – обратился он к проходящему мимо вахмистру.

– К сожалению, господин подполковник, кухню уже закрыли, – развел тот руками.

Единственный за столом штатский – господин лет сорока пяти в аккуратном коричневом костюме – задумчиво приглаживал свои кудрявые, зачесанные назад волосы. Он сидел молча, не вмешиваясь в разговор, но ироническая улыбка на его лице свидетельствовала, что он имеет собственное мнение о предмете спора.

– Армия для нашего государя, – вновь заговорил вольноопределяющийся, – всегда являлась делом первостепенной важности. И я думаю, нет оснований полагать, что сейчас, в момент тяжелых испытаний для отечества, он сделал ошибку в выборе и подборе кадров Генерального штаба и других служб...

– Милостивый государь, скажите тогда, – перебил его ротмистр со все возрастающим раздражением, – а кто же подбирал этих генералов и корпусных интендантов, которые при нехватке вагонов для перевозки снарядов, фуража, хлеба и раненых переправляют в свои имения в России хороших лошадей – по две в теплушке?

---

²³ Вольноопределяющийся – нижний чин российской императорской армии, поступивший на воинскую службу добровольно и пользовавшийся определенными льготами.

– Ну, воровство – это у немцев преступление, а у нас, к сожалению, народная традиция... – с кривой улыбкой начал было вольноопределяющийся, но ротмистр не дал ему закончить:

– Да бросьте вы, «народная традиция»... Народная традиция – это наша беспросветная коррупция и неумение организовать дело.

Вы обратили внимание, как здесь на станции меняют колесные пары австрийских вагонов на наши, российские? С такими домкратами можно «переобувать» сто вагонов в сутки, а мы, при хронической нехватке вагонов, обслуживаем от силы десятков...

– Господа, господа, – не выдержал подполковник, – мне кажется, у нас нет достаточно сведений, чтобы допускать какие-либо крайние суждения и тем более давать оценку всей нашей военной кампании. Время все поставит на свои места. Главное, что мы пока не отдаем австрийцам инициативу и имеем все шансы покончить с ними уже в этом году. Кстати, у них тоже не все гладко, даже на уровне азбучных основ военного дела. Я могу привести пример, как под Городком нас атаковала их конница в боевом порядке столетней давности, они были разодеты, как на параде. Тогда мы здорово покروшили их из пулеметов, а их начальник дивизии застрелился там же, на поле. Кстати, Михаил Аронович, – повернулся он к своему соседу в штатском с явным намерением не возвращаться к неприятной теме, – а что означают эти слова? – И он указал на тарелку с гравировкой *mazelyov*.

– А это переводится как «приветствую» или, если хотите, «приятного аппетита», – ответил тот с улыбкой и добавил: – Иван Валерьянович, а ведь уже светает. Не пора ли нам собираться? Я предлагаю не ждать автомобиля, а размяться – пройтись пешком на станцию, тем более это не больше версты отсюда, к тому же дождь вроде уже закончился.

– Неплохая идея, я не против, – согласился подполковник и стал собираться. – Желаю здравствовать, – протянул он руку вольноопределяющемуся. – А вам, господа, – обращаясь к ротмистру и прапорщику, – скорейшего и полного выздоровления. Капитан, – повернулся он к Белинскому, – у нас имеется свободное место в экипаже, если желаете, можете ехать с нами до Золочева, оттуда до Львова уже рукой подать.

Капитан сразу принял предложение. Он был наслышан о нерегулярности прифронтовых поездов.

– Прошу извинить, – обратился подполковник к Белинскому, когда они втроем шагали по мокрой мостовой к вокзалу, – я не запомнил вашу фамилию. Раненые офицеры со своими рассказами не позволили нам ближе познакомиться.

– Белинский Павел Андреевич, командирован в штаб Восьмой армии, – представился тот.

– Очень приятно. А моя фамилия Ширшов. Ширшов Иван Валерьянович, офицер для поручений штаба Девятой армии.

– Грудский Михаил Аронович, – в свою очередь любезно назвалс я штатский, – уполномоченный думского комитета.

– Мне тоже приятно, господа, – сказал капитан. – Наши раненые офицеры и в самом деле поведали сегодня ночью много удивительных историй, в которые, однако, очень не хотелось бы верить.

– Ерунда, – махнул рукой подполковник, – об этом даже не стоит говорить. Все они получили тяжелые ранения да еще наслушались всякой чепухи в госпиталях.

– Я думаю, вы не совсем справедливы, Иван Валерьянович, – неожиданно возразил ему Грудский, – кризис в довольствии войск на самом деле существует. И проблема в основном в подвозе, в нехватке вагонов, а последние, помимо прочего, отсутствуют действительно по вине военного ведомства. Поезда с артиллерийскими парками стоят на фронтах подолгу неразгруженными. В Москве, например, вот уже около полугода стоят в тупике тысячи вагонов с фаб-

ричными станками, которые крайне необходимы промышленности. К тому же ни для кого не секрет, что расчет боеприпасов накануне войны был произведен только на шесть месяцев.

Подполковник не ответил. Выражение его лица красноречиво свидетельствовало о том, что продолжать разговор на эту тему он не намерен.

– А мне ведь приходилось бывать тут лет десять назад, – заметил Грудский, когда они проходили мимо полуразрушенного здания с уцелевшей вывеской «Банк Пражский». – Сейчас город не узнать, всюду следы войны. Я был тут в составе этнографической экспедиции. Помню, тогда на этой центральной улице, если не ошибаюсь, Золотой, вечерами было весьмалюдно и довольно интересно. Тут проходили так называемые променады – прогулки представительной публики города с показами нарядов и других достоинств. И надо признать, у здешних дам достоинств было немало.

– Ну, известное дело, – заметил подполковник, – в командировках мы всех встреченных нами дам щедро наделяем достоинствами.

Замечание подполковника вызвало у всех троих смех.

* * *

Ближе к вокзалу разрушений становилось больше. Кругом виднелись обгоревшие стены с остатками печных труб. Возле обломков одного из домов стоял старый сгорбленный еврей и что-то крошил голубям. Увидев военных, он снял шапку и низко поклонился.

Белинский и Грудский ответили ему кивком, а подполковник, безразлично взглянув на старика, проговорил:

– Я слышал, наши казаки здесь здорово поработали после того, как дочь владельца гостиницы – еврея застрелила нашего солдата.

– Это, Иван Валерьянович, называется погромом, – серьезным тоном ответил Грудский, – и в солдата, кстати, стреляла не еврейка, а полячка, когда он приставал к ее подруге русинке. Хотя, что забавно, согласно нашим сводкам, при взятии города у нас не было ни убитых, ни раненых.

Подполковник не стал спорить. Его взгляд был прикован к станции. В предраассветной мгле она представляла собой впечатляющее зрелище. Сотни солдат копошились, как в муравейнике, на огромной территории, суетясь между составами и множеством недавно уложенных путей. Под брезентами громоздились многочисленные бунты и клади, рядами стояли повозки и лафеты. Отовсюду слышались гудки российских и австрийских паровозов.

Военный комендант станции выполнил свое обещание, и пара серых рысаков уже были выгружены из вагона, запряжены в массивную коляску и стояли на выезде. Рядом, раздувая ноздри, нетерпеливо перебирала ногами золотистая верховая кобыла. Денщик подполковника, коренастый татарин, уже успел уложить вещи в коляску, заправиться в буфете полуразрушенного вокзала борщом и теперь гордо восседал на козлах.

Вскоре рысаки широким, размашистым бегом понесли коляску по дороге на запад. Подполковник, вальяжно развалившись на сиденье и подняв воротник шинели, собрался вздремнуть. Грудский же, обнаружив внимательного слушателя в лице своего нового попутчика, решил продолжить воспоминания о здешних местах, и после очередной встряски на выбоине вымолвил:

– Вы знаете, капитан, дороги в Галиции всегда были ужасными, во всяком случае, не лучше наших, российских. Во время Речи Посполитой их просто не строили и не ремонтировали. При австрийцах из Вены во Львов быстрее всего можно было добраться на дилижансе Eilwagen за четыре-пять дней. Это стоило целых два крейцера, не считая чаевых. А вот почтовый дилижанс шел уже семь дней. Самым неприятным в этих поездках, как и у нас в России,

были ночные постой в корчмах, где обычно было полно пьяных холопов. Кражи, убийства... Именно из-за этого у немцев сложилось ужасное представление о здешних краях, так что их не особенно влекло сюда.

– А что, интересно, влечет сюда уважаемых господ из Думы? – поинтересовался Белинский.

– А вы полагаете, что война – это дело только военных? Ошибаетесь, на фронте происходят слишком серьезные вещи, чтобы оставлять их военным, которые в конечном счете лишь исполнители воли политиков. А если по существу, у меня чисто гуманитарная миссия. Меня интересуют факты, мягко говоря, неправомерного обращения российских войск с местным еврейским населением.

– Неужели это настолько серьезно? – удивился капитан.

– Да, к сожалению, – уверенно подтвердил Грудский. – По крайней мере, это тема предстоящих серьезных обсуждений в Думе. Ну а попутно я выполняю еще одно важное поручение Всероссийского земского комитета. Мне доверено передать два вагона с медикаментами представителю Девятой армии в лице Ивана Валерьяновича, который, к нашему обоюдному удобству, сегодня принял лошадей для конюшни штаба.

Он с улыбкой взглянул на спящего подполковника и тихо добавил:

– Скажите, мой друг, зачем армейским и фронтовым штабам конюшни, когда они прекрасно оснащены автомобилями?

– Наверное, это сила привычки или смешной предрассудок, – предположил Белинский. – Штабные офицеры не мыслят себя в действующей армии без своих лошадей и парного экипажа.

– Так ведь надо еще ухитриться выписать самых лучших лошадей из России, – продолжал изумляться Грудский. – Хотя, вы знаете, в большой конюшне фронта – на львовском ипподроме я видел прекрасные экземпляры.

– Так вы уже не первый раз на фронте? – удивился капитан.

– Нет, конечно. Я уже успел побывать в Галиции и на Западном фронте.

– И все с той же целью? Вы, кажется, назвали предметом своей заинтересованности неправомерное обращение войск с еврейским населением?

– Да, именно так.

– Неужели в Думе сейчас нет более серьезных вопросов для рассмотрения? Хотя бы, например, все то, о чем нам поведали ночью раненые офицеры.

– Видите ли, милостивый государь, – не сразу ответил Грудский, – я вам скажу откровенно... и не потому, что я еврей. Изобличать бездарность нашей власти и пытаться избавить ее от коррупции – этой неизлечимой российской болезни – бесполезно. Она, как раковая опухоль, давно уже разъела весь наш государственный механизм, сделав его непригодным к любым начинаниям, а уж к войне – так тем более. Я считаю, что для России воевать – это, простите за неуклюжее сравнение, что чахоточному купаться в проруби или горбатому прыгать с печи. А вот спасти сотни тысяч людей гражданского населения от смерти и издевательств военных имеет прямой смысл.

– Но насколько мне известно, – вставил капитан, – сейчас наблюдается полное единодушие относительно того, что евреи-шпионы в немалой степени являются причиной наших неудач.

Грудский бросил взгляд на спящего подполковника и, понизив голос, пустился в объяснения:

– А вот теперь о еврейских шпионах. Вы, наверное, слышали: еврейский мельник установил связь с австрийцами с помощью телефона, спрятанного в подвале; евреи подсоединили российский телефонный кабель к австрийскому коммутатору; использовали костры и световые сигналы для передачи информации противнику; спасли от плена германского кайзера Виль-

гельма и тысячи подобных глупых и нелепых измышлений, циркулирующих в русской армии. И как следствие, я могу привести вам письмо одного солдата с фронта домой, с которым нас познакомили в комитете. Он пишет: евреи нас предали. ... они спрятали в трупе своего товарища девять миллионов рублей золотом и перевезли врагам. Когда война закончится – мы разберемся с ними. И я не сомневаюсь, что разберутся. А наш кабинет министров и окружение императора этому поспособствуют. При их молчаливом согласии русская армия уже совершила самые позорные преступления в Восточной Пруссии и Галиции. Сотни тысяч евреев депортированы, невинные повешены и расстреляны, дома ограблены и разрушены.

Грудский говорил все громче и возбужденнее, чем в конце концов разбудил подполковника. Тот открыл глаза и молча слушал его эмоциональную речь.

– Вы посмотрите, где бы ни проходили наши войска – местное христианское население сразу вывешивает в окнах иконы. Если нет икон – значит, дом еврейский и его можно грабить. Не успели занять Львов, как в городе начался еврейский погром с десятками убитых и раненых. Это, конечно, поражает весь цивилизованный мир, включая наших союзников, особенно Америку, и вызывает презрение к России.

– Я думаю, не все так однозначно, Михаил Аронович, – неожиданно заговорил подполковник. – И могу привести вам только один пример из моей военной практики. В начале сентября к нам в полк прибыла большая партия пополнения, в которой было много евреев. В некоторых ротах их число доходило до двадцати человек. После первого же боя в полку не осталось ни одного еврея, и среди раненых в перевязочном пункте никого из них не было.

– Ну, Иван Валерьянович, евреи в русской армии – это уже другая тема, – недовольно заметил Грудский. – Кстати, после русских и украинцев их больше всего в войсках. И это не только сейчас. В Русско-турецкую войну непобедимые Владимирский и Суздальский полки генерала Скобелева почти наполовину состояли из евреев. Они верой и правдой служат нашему государю и отечеству, и немало из них уже получили награды за свои подвиги.

– Не буду спорить, – согласился подполковник, – солдаты-евреи сметливы и добросовестны и за свою храбрость получают награды, но некоторые особенные черты еврейского характера все же играют свою негативную роль.

– А вы не задумывались, подполковник, каково евреям служить в российской армии? Ведь основная масса – это горожане из бедных семей, и, в отличие от крестьянских парней, им намного тяжелее осваивать военное ремесло. К тому же не все хорошо знают русский язык.

– Поразительно! Взгляните, какой большой и полный колос. – Белинский указал на широкие поля зрелой пшеницы вдоль дороги.

– Да, урожай зерновых в этом году в этих краях необычайный, – признал подполковник, – вот только кто его будет убирать? С началом войны австрийцы депортировали отсюда массу крестьян-русинов, подозревая их в нелояльности к императору. Я сам видел их военные карты, где красным карандашом были подчеркнуты села, которые на выборах в парламент голосовали за пророссийских кандидатов, так называемых русофилов. Жители этих сел и пострадали больше всего.

Коляска продолжала свой путь, минуя серые грязные хатки, в беспорядке разбросанные на холмах. Станным было отсутствие возле них обычных хозяйственных построек и конюшен, фруктовых садов и огородов. Ближе к городу появились сожженные села с почерневшими печными трубами и обгоревшими деревьями. На обочине валялись остатки повозок и разбитой военной техники.

На станции в Золочеве попутчики попрощались. Грудский объявил, что заедет во Львов и обязательно отобедает с капитаном в самом известном в городе ресторане «Жорж». Подполковник, пожимая Белинскому руку, пожелал вернуться с фронта генералом.

До Львова капитану предстояло ехать еще пару часов с бесконечными остановками на забитых беженцами станциях. Слабосильный австрийский паровоз с дровяным отоплением тащил с десяток пассажирских вагонов со скоростью не более двадцати верст в час.

Глава 8

Приезд Белинского во Львов

Львовский вокзал с большим порталом и внушительным дебаркадером из стекла и стали выглядел весьма необычным и очень европейским. От перронов в залы ожидания вели пять тоннелей. После разрушений и пожаров странно было видеть эти вокзальные залы и вестибюли с красивой мебелью и витражами, тонкой лепниной, фресками, картинами и электрическими часами на стенах. Со всем этим резко контрастировали толпы солдат и бесчисленные беженцы, которые сновали по залам, спали вповалку во всех углах и проходах, не исключая даже туалета, куда теперь можно было попасть без уплаты сорока геллеров.

Капитан вышел через большие стеклянные вращающиеся двери наружу, и его подхватил вихрь шумной привокзальной суеты. Автомобили, экипажи, трамваи подвозили и увозили офицеров и раненых. Строем шли солдаты. С отрешенным видом ковыляли пленные венгры. Стаи предприимчивых маклеров, как их здесь называли – *факторов*, навязчиво предлагали прибывшим офицерам дешевые номера в домах и гостиницах, всевозможные услуги и интимные развлечения.

Штабс-капитан воздухоплавательной роты, с которым Белинский познакомился в поезде, любезно согласился подвезти его в город на уже выдавшем виды «руссо-балте», и вскоре в компании священника полевого госпиталя и сотника казачьего полка капитан трясся по брусчатым неровным дорогам средневекового города.

На улицах былолюдно, и большинство прохожих составляли военные. С удивлением смотрели офицеры на сверкающие магазины и рестораны, соборы с высокими, уходящими в небо готическими шпилями, большие современные европейские дома, многие из которых скорее напоминали дворцы. Низкие трамваи на малой европейской колее после Петрограда казались бутфорскими.

Через четверть часа капитан был уже на месте – возле массивного административного здания на Губернаторских Валах. Здесь, по его сведениям, должен был располагаться штаб Восьмой армии. Однако выяснилось, что штаб уже переехал в Раву-Русскую. Но капитану все же повезло: командующий армией генерал Брусилов с офицерами штаба в этот день прибыл во Львов на совещание командующих армиями фронта.

Дежурный офицер долго вел капитана по длинным коридорам бывшей резиденции Галицийского наместничества к адъютанту штаба армии подполковнику Кирьянову.

– С прибытием, мы вас ждем, – приветствовал тот Белинского и тут же проводил к генерал-квартирмейстеру штаба армии Никитину, недавно сменившему на этом посту генерала Деникина.

– Очень удачно, капитан, что вы застали нас во Львове, – встретил Белинского статный генерал с огромной бородой. – Прошу присаживаться. У нас очень мало времени. Я сейчас выезжаю с командующим на осмотр госпиталей, а затем мы сразу возвращаемся в Раву-Русскую. Вы остаетесь во Львове при нашем отделении контрразведки. Приказ о вашем назначении на должность офицера поручений штаба армии будет подписан сегодня же.

А теперь прошу внимания, я буду говорить о главном. Во Львове нами планируется операция по поимке шпиона, действующего в ставке Юго-Западного фронта. Ее успех зависит от удачной подставы противнику нашего человека в качестве связника. Кандидатов для этой операции мы искали среди офицеров контрразведывательных и жандармских подразделений с опытом оперативно-разыскной работы, в том числе и по части шпионства. Согласно обстоятельствам, необходимыми требованиями были возраст около тридцати лет и знание в совершенстве немецкого и польского языков. Последнее значительно осложнило поиск.

Ваше назначение к нам оказалось весьма кстати. Вы, разумеется, догадываетесь, капитан, что речь идет о вашей кандидатуре. Сразу хочу заметить, что это предложение вас ни к чему не обязывает. Непредсказуемость и опасность этого предприятия оправдывают ваш возможный отказ участвовать в операции, что, естественно, ни в коей мере не повлечет за собой отрицательных последствий для вашей карьеры, да и наверняка не изменит отношения к вам сослуживцев.

Генерал встал, разгладил бороду, вставил сигарету в длинный белый мундштук и подошел к распахнутому окну. Через дорогу, в тени огромных каштанов, виднелся монастырь Босых Кармелиток. Глубоко вдохнув вечерний воздух, насыщенный ароматами зелени скверов, он изрек своим басовитым голосом:

– Удивительно красивая осень в этих местах. Очевидно, нашего знаменитого Верещагина влекут сюда не только батальные сцены.

Затем обернулся к Белинскому:

– Ну-с, капитан, решать надо сейчас, ибо при положительном ответе у нас всего два дня, чтобы ввести вас в курс дела.

– Ваше превосходительство, я понимаю, что особенность моей военной профессии не предполагает пребывание на передовой в окопах, однако и не освобождает меня от обязанности выполнять свой долг там, где это принесет максимальную пользу отечеству.

– Ну что ж, это достойный ответ, и вполне соответствует вашей характеристике, – удовлетворенно кивнул генерал. – Отзывы о вашей учебе в Военно-юридической академии и службе в качестве военного защитника и следователя безупречны. Итак, господа офицеры, не будем терять времени и поступим следующим образом. Вы, Леонид Аполлинарьевич, – обратился он к адъютанту Кириянову, – на два дня останетесь во Львове для подготовки капитана по нашему плану. В дальнейшем вся операция будет координироваться с нами через начальника контрразведывательного отделения ротмистра Ширмо-Шербинского, отделение которого мы пока оставляем во Львове. Об операции никто не должен знать ни в Киеве, ни во Львове. Это решение Ставки главнокомандующего. Военная администрация во Львове еще не полностью укомплектована, и у нас много сомнений в отношении некоторых чинов из окружения назначенного генерал-губернатора Галиции.

Дверь неожиданно распахнулась, и в комнату быстрыми шагами вошел генерал Брусилов в сопровождении начальника штаба генерала Ломковского. Командующий армией был точно таким, каким его описывали во фронтовых репортажах столичные газеты и журналы, – небольшого роста, худощавый, подтянутый, с маленькими усиками и обильной сединой в коротких волосах ежиком.

– Николай Владимирович, пора ехать, – скомандовал он, окинув всех быстрым взглядом. – Нас ждут в госпиталях. Предстоит сделать самое важное – наградить тяжелораненых и побеседовать с героями.

– Я готов, ваше высокопревосходительство, – ответил тот. – Позвольте лишь представить вам капитана Белинского – офицера, которого мы планируем задействовать по варшавскому делу. С завтрашнего дня начинаем подготовку операции.

– Прекрасно, – оценивающе взглянул на Белинского командующий. – Значит, капитан, не успели приступить к должности, как вас уже определили на другую – связника шпионской сети?

Офицеры засмеялись.

– А если серьезно, – продолжал командующий, – дело это чрезвычайной важности. Речь идет не только о чести российской армии. Утечка информации накануне осенней кампании может свести на нет все наши усилия нейтрализовать австрийскую армию уже в этом году. Это вопрос сохранения жизни сотням тысяч российских солдат и офицеров. – И, уже пожимая офицерам руки, добавил: – Помните это, господа офицеры, и дай Бог вам успеха.

– Вы впервые в Галиции? Как вам город? – спросил Белинского Кириянов, когда они ехали в автомобиле в сторону городских казарм, где были устроены офицерские гостиницы.

– Бывать здесь не приходилось, а город, насколько мне удалось заметить, довольно красивый и я, бы сказал, своеобразный, – ответил капитан, разглядывая каменного спящего льва возле старинной пороховой башни. – Удивляет полное отсутствие каких-либо признаков войны, если не считать, конечно, военных на улицах.

– Да, это верно, – согласился адъютант. – Но тут ничего удивительного, австрийцы не рассчитывали оставлять город надолго, поэтому ничего не разрушили. Буквально через несколько дней после сдачи Львова они бросили сюда семь своих корпусов, надеясь вернуть утерянное. Тяжелые бои шли на самой окраине города. В Киеве поспешили с приказом об эвакуации. Но Брусилов остался верен себе. Оборона была поставлена безупречно. В два раза меньшими силами отбили все атаки, к тому же, оттянув на себя основные силы австрийцев, мы позволили нашим соседям успешно атаковать с флангов.

– Судя по перемещению штаба армии, дела на фронте по-прежнему идут неплохо? – спросил Белинский.

– Это верно, бои уже на правом берегу Сана, но более ста тысяч австрийцев сидят в Перемышльской крепости, а это всего сто верст от Львова. Правда, мы основательно обложили ее и серьезной угрозы она сейчас не представляет, но в психологическом плане, конечно, влияет на обстановку. Местное население, прежде всего поляки и евреи, считают крепость неприступной и надеются, что немцы скоро придут ей на помощь. Но впереди зима, и можно надеяться, холод и голод сделают свое дело. Австрийским войскам несвойственно терпение. Хотя в крепости почти одни славяне – чехи, русины и поляки, если не считать офицерский состав.

– А как наши местные русские, которых почему-то называют русинами? – полюбопытствовал капитан.

– Это сложный вопрос, – уклончиво ответил адъютант. – В городе их практически нет. В своем большинстве русины – это крестьяне, доведенные до крайней нужды теми же поляками и евреями. В начале века безработица заставила многих из них эмигрировать в Америку. Этот жалкий народ не имеет ни своей культуры, ни литературы, ни истории, ни собственной интеллигенции. Если бы мы вовремя не пришли сюда – их бы полностью поглотили поляки. Мне кажется, большая их часть приветствует свое освобождение, хотя отдельные лица выступили против нас в так называемых сечевых стрелецких дружинах. Немало их пострадало при австрийской мобилизации, когда хватали сочувствующих нам. Причем в этом есть и наша вина. Перед войной у нас хватило ума составить для комсостава памятку о политических партиях Галиции, где указывалось, на кого мы можем рассчитывать в предстоящей войне. В итоге более сотни человек уже в первые дни войны были расстреляны австрийцами. Да, глупостей мы надеялись здесь немало. Вон там, – адъютант указал в сторону Базарной площади, – стряслась еще одна... Хотя это скорее не глупость, а следствие нашего обычного поведения.

– И что же здесь произошло? – спросил капитан.

– И грустно, и смешно... В конце сентября какой-то еврей – молодой пацан – якобы попытался стащить у ополченца штабс-капитана Карпова кошелек. Тот погнался за ним, и в это время кто-то выстрелил из окна. Солдаты ответили, и из домов в них тоже начали стрелять. Однако потом свидетели говорили, что солдаты приняли щелканье своих же пуль о стены за выстрелы из домов, а пыль от выбитой пулями штукатурки – за дымок от винтовочных выстрелов из окон. Другие уверяли, что стреляла гольтьба, хулиганы. Третьи утверждали, что стреляли нижние чины из маршевых команд с целью спровоцировать погром и грабеж евреев. Так или иначе, но при попытке убежать из домов девять гражданских лиц, все с виду евреи, были убиты на месте и с полсотни ранены. Все дома по трамвайной линии от казарм до Базарной площади были оцеплены солдатами, произведены обыски и аресты среди мужского населения.

Оружия не нашли, но вот эти ближние три дома, по распоряжению губернатора, были конфискованы. Они до сих пор стоят на продажу за смехотворную цену, однако желающих купить нет.

С нашей же стороны потери были таковы: ефрейтор Дворовчиков ранен в указательный палец и живот, а рядовой Гарифуллин в ногу.

Да вот, арестованы прапорщик обозного батальона и один вольнонаемный. Одного застали в совершенно пьяном виде в одном из еврейских домов, а второй самовольно снял с поста часовых, оставленных охранять труп убитого еврея. Не правда ли забавно, скорее глупо, капитан? Помимо всего все это нам дорого обходится. Весть о «еврейских погромах» во Львове уже достигла не только Петрограда, но и наших союзников. Сегодня пришла телеграмма, что из Варшавы во Львов прибудет целая делегация во главе с артисткой Яворской для «обследования чинимого русской армией и правительством насилия над еврейским населением Галиции в районе театра военных действий, дабы развернуть кампанию в английской прессе против варварства русских». Несколько дней работы всем офицерам контрразведки обеспечено.

Автомобиль с офицерами въехал в ворота казармы.

Глава 9

Губернатор

Несмотря на поздний час, в окне кабинета галицийского генерал-губернатора графа Георгия Бобринского горел свет. Глава российской администрации работал над докладом, которому надлежало утром быть отправленным в Петроград в Министерство внутренних дел.

Причиной такой спешности было назначенное на днях рассмотрение правительством вопроса конфессиональной политики России в Галиции.

Обсудить эту тему правительство вынудили участвовавшие обращения и письма обеспокоенной общественности о якобы насильственном обращении галицийского населения в православие.

Правильно составленный доклад должен был снять это напряжение.

В подготовленном помощниками проекте доклада чего-то не хватало. Бобринский снова и снова пытался придать документу нужную тональность, изменить акценты, подобрать более убедительные примеры и сделать бесспорными выводы. Но дело не ладилось. Новые варианты не устраивали еще больше, желание оставить все без изменений росло.

В конце концов он обратил внимание, что тиканье огромных напольных часов мешает ему сосредоточиться. Губернатор отложил ручку и подошел к окну. За огромной портьерой из голубого бархата открывалась панорама ночного города. В свете фонарей прилегающего к дворцу сквера медленно передвигались силуэты охраны.

Чувство неудовлетворенности и разочарования, ставшее постоянным спутником графа в последние дни, с еще большей силой охватило его.

Назначение на должность губернатора новой российской провинции вначале показалось ему заманчивым и многообещающим.

Возможность стать одним из основных действующих лиц в исполнении великой исторической миссии – возвращении в лоно империи Червонной Руси он почитал щедрым подарком судьбы.

Правда, судьба и раньше не обходила его стороной. Выходец из знатного рода Бобринских, берущего свое начало от сына императрицы Екатерины Второй и Григория Орлова – Алексея Бобринского, он к пятидесяти годам взял от своей принадлежности к царской фамилии все положенное и должное. И как он считал, вполне заслуженно, так как, в отличие от многих ее представителей, всегда следовал установленным нормам и неписаным правилам поведения этого круга избранных.

Его послушной список был типичным для отпрысков высокопоставленных семей. Воспитательный пансион Николаевского кавалерийского училища, его величества гусарский полк, адъютант военного министра, генерал для особых поручений при главнокомандующем сухопутными и морскими силами. В двадцать лет – корнет, в двадцать пять – штаб-ротмистр, в тридцать девять – генерал-майор, в сорок семь – генерал-лейтенант и обладатель самых высоких наград империи: ордена всех степеней Святого Владимира, Станислава и Анны. Высшие награды от германского императора и короля Пруссии, испанского короля и бухарского эмира. Наконец, счастливый брак с княгиней Ольгой Трубецкой и владение обширнейшими плодородными землями в Киевской, Тульской, Орловской и других областях России.

Граф не отличался особым административным опытом и способностями, а главным достоинством его были «качества паркетного генерала» – удачное соответствие официальному церемониалу приемов и праздников. Имелось мнение, что своим назначением он был обязан родственнику – Владимиру Бобринскому, бывшему депутату Государственной думы, извест-

ному патриоту-монархисту и борцу за религиозную и национальную свободу русского галицийского народа.

Счастливая и спокойная, лишённая конфликтов и неприятных сюрпризов, жизнь супругов Бобринских изменилась сразу после их приезда во Львов. Оказалось, что этот на вид милый, тёплый, даже какой-то сказочный город таил в себе массу сложностей и неожиданно-стей.

Граф невольно оказался в центре острой полемики по поводу «правильного» обустройства новой земли империи. Свои мнения и советы давали зачавшие во Львов правительственные и думские посланцы, известные политики и общественные деятели, популярные литераторы, художники и всякого рода проходимцы.

Стремление избежать недовольства и критики как радикалов всех мастей, так и сторонников плавных, демократических преобразований делало работу его администрации все больше непоследовательной и противоречивой.

Публично Бобринский, естественно, следовал линии двора и высказывался за обустройство Галиции – «исконной части единой Великой Руси» – на русских началах, с русским языком и законом. Он слал сообщения в Царское Село о том, что русское население «повергнуто к Стопам Царским с чувством верноподданнической верности и сыновней любви к своему природному Белому Царю, освободившему Червонную Русь от многовекового рабства и воссоединившему ее с Матерью Россией», информировал о том, что в храмах Львова благодарное русское население усердно молит Господа Бога о драгоценном здоровье императорского величества.

На самом деле поднять дух местных жителей, наследников Ярослава Осмомысла и князей Даниила и Романа, и вызвать бурный порыв к объединению с братской Русью оказалось чрезвычайно сложно.

Неожиданно выяснилось, что желающих жить по-прежнему и томиться под чужеземным игом оказалось очень много, а некоторые даже дерзнули с оружием в руках выступить против освободителей.

Особенно докучал церковный вопрос. Показателем достижений новых властей в этой сфере было количество обращений в православие униатских приходов. Но, к сожалению, попытка применения принципа добровольности не позволяла преуспеть в этом процессе. К тому же местные губернаторы зачастую решали все церковные вопросы просто в пользу общины, готовой предложить большую взятку.

Не менее сложными были проблемы национальной политики.

Как правильно вести себя с польским населением?

С одной стороны, царский манифест провозглашал великодушную готовность России протянуть полякам братскую руку для осуществления их народных идеалов, если они не станут в ряды врагов России и славянства и откажутся от попыток притеснения русской народности в Галиции и Холмщине. С другой стороны – откровенно декларировалось, что для поляков Восточной Галиции будущего нет! И это неукоснительно исполнялось: польскую элиту и поляков, значившихся в военном резерве Австро-Венгрии, массово депортировали в отдаленные районы России, польские учебные заведения закрывались, делопроизводство и судопроизводство переводилось с польского на русский язык.

Не лучше обстояло дело и с местными евреями.

Их, правда, никто не заставлял молиться за Россию и русского царя, но массовая депортация евреев по подозрению в шпионаже и нелояльности к новым властям, ограничение торговой деятельности и передвижения, а также случаи откровенных погромов вызывали острую критику уже не только в России.

Ко всему прибавлялись склоки и неразбериха в действиях расквартированных в городе тыловых структур, своеволие контрразведок армейских штабов, постоянные жалобы населения на действия полиции, захлестнувшая город волна разбоя и грабежей...

Нет, совсем не этого ждал Бобринский от своего нового назначения.

Граф резко задернул штору и подошел к сервировочному столику с напитками. Плеснул в рюмку коньяку и взглянул в огромное старинное зеркало. Новая форма земгусара, пошитая у Норденштрема – самого модного военного портного в Петербурге, не прибавила ему бодрости, как, впрочем, и мысль, что в это зеркало, возможно, смотрелись австрийские императоры, пожелавшие навестить свою восточную провинцию.

Другая мысль, уже об отставке, впервые робко мелькнула у него в голове.

Глава 10

Приход в отделение

На следующее утро Кирьянов доставил Белинского в контрразведывательное отделение штаба Восьмой армии на улице Третьего Мая²⁴, одиннадцать. Оно размещалось в деловом районе города, в красивом четырехэтажном здании, принадлежащем семье Эллих. До войны здесь располагалось одно из самых престижных во Львове американское кафе, известное под названием «Святыня ночной сецессии». Здесь устраивались концерты военной музыки, проводились шахматные турниры, публика играла в американский бильярд и уединялась в отдельных кабинетах. Помимо кофе с мороженым клиентам подавали свежее бочковое пльзенское пиво и закуски. В другом крыле здания находился кинотеатр «Элит» и салон искусств Жана де Лятура. По соседству размещались Акционерный банк, союз нефтепромышленников «Галиция» и гостиница «Империал».

Через проходные дворы соседних улиц Сикстусской²⁵ и Костюшко в отделение незаметно могла пройти агентура.

Главной задачей армейской контрразведки являлось «наблюдение за неприятельскими шпионами и всеми подозрительными людьми, появляющимися в районе расположения войсковых частей армии». Кроме офицеров, в штабе состояли переводчик, фотограф, писарь и шофер – разыскной агент. Имелись автомобиль «Бенц-314», четыре явочные и одна конспиративная квартиры.

Начальником отделения состоял тридцатилетний штаб-ротмистр Ширмо-Шербинский – сын отставного генерала из Воронежской губернии, воспитанник кадетского корпуса Елисаветградского кавалерийского училища. Последнее обстоятельство делало его исключением на этом посту, так как, согласно действующему положению, должность начальника контрразведывательного отделения мог занимать исключительно офицер жандармского ведомства. Но старые связи отца и дефицит подходящих кандидатов на эту вакансию решили дело.

* * *

Представив Белинского офицерскому составу, Кирьянов ввел его в курс предстоящей операции. Она состояла в следующем.

Варшавским губернским жандармским управлением в сентябре 1914 года был задержан по подозрению в шпионаже подданный Австро-Венгрии некий Владислав Лангерт. При досмотре, кроме найденных у него крупной суммы денег и записной книжки, в крышке портсигара были обнаружены удостоверение и пропуск на проезд по железной дороге во Львов. Как оказалось, документы принадлежали агенту штаба Западного фронта студенту Фельдману, который накануне был арестован и казнен немцами.

На предварительных допросах Лангерт сообщил, что является коммивояжером по продаже венгерских вин, постоянно проживает в Вене, а найденные у него документы купил на черном рынке в Варшаве, чтобы по ним попасть во Львов для оформления наследства. Позже, уже после этапирования в Брест-Литовскую тюрьму, он сознался, что завербован немецкой разведкой и переброшен через линию фронта в Варшаву с заданием пробраться во Львов, поселиться в доме своей покойной тетки Августы Матаховской и выполнять роль связника очень важного агента, действующего в штабе Юго-Западного фронта российской армии. Время и

---

²⁴ Теперь это улица Сечевых Стрельцов.

²⁵ Теперь улица Дорошенко.

место первой встречи с агентом Лангерт должен был узнать по условным знакам на городской рекламе в газете, опущенной в почтовый ящик дома Матаховской.

Все полученные от шпиона материалы должны передавать в германский разведцентр два курьера – жители Львова. О своем приезде во Львов и намерении уладить наследственные дела Лангерт заранее оповестил письмом из Варшавы поверенного своей тетки – некоего адвоката Коркеса.

Проверкой были установлены названные Лангертом «курьеры»: один из них – Алойзи Вильк до войны действительно проживал по адресу Жолкевская²⁶, девять, однако после отступления австрийцев выбыл в неизвестном направлении. Второго курьера – слесарного мастера Яна Дашека еще в сентябре интернировали за укрывание в подвале своего дома на Коперника, пятьдесят четыре двух польских стрелков-дезертиров.

Было также установлено, что за три недели до войны во Львове скончалась некая Августа Матаховская. Ее соседи подтвердили, что родственники покойницы проживали в Вене, однако ничего конкретного о них не знали.

Белинскому в роли Лангерта предстояло по прибытии во Львов устроиться в квартире «покойной тетки» и ожидать там появления в почтовом ящике газеты с вызовом на встречу со шпионом, которому дали кличку Волк.

Пока капитан вникал в детали операции и знакомился с оперативной обстановкой в городе, в соседнем кабинете протекала рутинная работа отделения.

Заместитель начальника отделения штабс-капитан Дашевский, представительный мужчина тридцати восьми лет, разбирал документы, обнаруженные во Львове, в бывшем штабе одиннадцатого армейского корпуса австрийцев. Почти десять лет работы в киевском жандармском управлении не лишили его характер мягкости и отзывчивости, за что пользовался определенным уважением среди офицеров.

Ему помогал переводчик Кривош, статский советник и бывший заведующий стенографической частью Госсовета. Кривош был глубоко убежден, что «каждый русский человек и каждый славянин обязан принять участие в начавшейся роковой борьбе с неметчиной». Именно так он объяснил свое желание отправиться на фронт в качестве переводчика, владеющего всеми языками народов Австро-Венгрии. Его просьба была удовлетворена без проволочек.

Рядом сидел ротмистр Корецкий, плотный мужчина выше среднего роста с красивым аристократическим лицом, которое, однако, портило слегка надменное выражение. Как и Дашевский, он был из жандармов и, значит, соответствовал всем требованиям, предъявляемым к чинам этого элитного учреждения: являлся потомственным дворянином, окончил военное училище по первому разряду, не был католиком и не имел долгов.

После пяти лет службы в варшавском охранным ведомстве Корецкий хорошо говорил по-польски и поэтому чувствовал себя во Львове вполне уверенно. Среди товарищей он слыл умным и всесторонне образованным человеком. Но его карьерному росту мешала некоторая лень характера и чрезмерное увлечение женщинами. В результате последнего иногда приключались скверные истории, из которых он благодаря своей находчивости и фантазии выходил без серьезных последствий. Война не изменила его привычки окружать свою особу заботой и лаской слабого пола. При этом ротмистр не забывал регулярно писать своей жене в Россию нежные письма. Среди дам местного общества его наибольшим расположением пользовалась жена австрийского подданного, переводчика при канцелярии губернатора чеха Войцеха. Еще одну свою страсть – игру в карты – ротмистр удовлетворял в кругу подходящей компании на квартире у одной из львовских куртизанок.

---

²⁶ Теперь улица Богдана Хмельницкого.

Невысокий, с короткой стрижкой и маленькими усиками поручик Чухно с трудом разбирал составленное на плохом русском донесение агента Законника. Он был из мещан. До войны служил в киевском полицейском управлении. В отделение прибыл намного позже других и держался несколько обособленно. Офицеры относились к нему слегка снисходительно и не лишали себя удовольствия при случае подшутить над ним. На связи у Чухно было несколько агентов из местных торговцев, но особых способностей к контрразведывательной работе он не проявлял, поэтому начальство предпочитало давать ему поручения хозяйственного порядка. Привычным делом для него было получить в интендантской части полагающиеся отделению кухонное масло и сахар, выменять у пленных австрийцев рубли на кроны, оформить довольствие и амуниционные вещи шоферу и денщику.

Самым молодым контрразведчиком был прапорщик Станислав Новосад – выпускник пехотного юнкерского училища. Сейчас он готовил приказ генерала Деникина для полевых авиационных отрядов. Летчикам при вылетах вменялось в обязанность брать пачки с воззваниями на русском, польском и чешском языках и сбрасывать их над населенными пунктами, биваками и колоннами неприятеля. На его столе лежали книги «Способы передачи условных знаков при оптических сигналах» и «Таблицы обмундирования австро-венгерской армии». Этому молодому человеку было свойственно страстное, порою болезненное стремление научиться всему новому, что встречалось на его жизненном пути. Еще во время учебы в училище он достиг отличных результатов по стрельбе из пистолета и винтовки, посещал офицерскую гимнастическо-фехтовальную школу и неплохо освоил руководство по английскому боксу барона Кистера.

Война предоставила ему новые возможности. Помимо освоения навыков контрразведчика, он учился у шофера отделения Снигирева водить автомобиль, делопроизводитель Пацевич натаскивал его в области стенографии, фотограф Куц – фотографическому делу, а Дашевский учил местному украинскому диалекту. В свои двадцать с половиной лет он был весьма разносторонним и физически развитым молодым человеком.

– А прогос, Станислав Марьянович, – обратился к нему ротмистр Корецкий, просматривая только что полученные столичные газеты, – вам известно, что вы сейчас в роли «гносного совратителя» нарушаете основы военной морали и этики?

– Ну что вы, Борис Зенонович, я совершаю крайне гуманное действие – призываю противника прекратить кровавое противостояние и сдаться нам на милость.

– Вы ошибаетесь, голубчик. Вот послушайте, что по этому поводу говорит наша почтенная либеральная публика в «Петроградских ведомостях»: «Совершаемое нашими врагами гнуснейшее преступление в виде разбрасывания прокламаций среди наших войск уже получило свою оценку в приказе Верховного главнокомандующего. Излюбленным способом доставки к нам недостойных обращений они избрали оставление таковых на оставленных позициях в ящиках с различными яствами и табаком. В этих прокламациях, уснащенных лстивыми выражениями, немцы прикидываются друзьями России и благожелателями русских, напоминая собой известных волков в овечьей шкуре. Но тверды наши воины в сознании своего долга, с гадливым чувством смотрят они на гнусные поступки немцев и не прельщаются уговорами преступных совратителей».

– Я думаю, аналогичную оценку и наших действий можно найти в этих газетах, – кивнул Дашевский на немецкие Reichspost и Neue Freue Press.

– Вы правы, Владимир Михайлович, – согласился ротмистр, – это, конечно, уже настоящая агитационная война. Недаром немцы скупают в Швеции целые издательства вместе с сотрудниками для своей пропаганды.

– А хотите послушать анекдот на более актуальную тему? – предложил прапорщик.

– Ну-с... – оживился Корецкий.

– Австрийский офицер упрекает свою жену: «В твоей спальне перебивали все офицеры моего гарнизона». А та отвечает: «Чего ты боишься, милый? Разве ты не знаешь, что австрийцы всегда отступают?»

Все, кроме Чухно, разразились громким смехом, характерным для армейской компании. Поручик же на мгновение оторвался от чтения, обвел офицеров непонимающим взглядом и вновь уткнулся в донесение. Там агент сообщал, что к нему обратился его старый клиент – некий инженер Шехерт, проживающий по адресу Зеленая, шестьдесят один, с просьбой составить прошение на имя коменданта города относительно выкупа у него на цели русской армии двух тысяч железных брусов для колючей проволоки. Эти брусы он якобы изготовил по заказу австрийского коменданта для львовских фортов, но не успел сдать. Потратил на них все свои наличные – три с половиной тысячи рублей и сейчас «разорен, вынужден закрыть мастерскую и тем самым утратил возможность дальнейшего заработка».

С оперативной точки зрения эта информация не содержала ничего ценного, но для Чухно она представляла немалый интерес.

«Деньги или проценты, – взвешивал он, – следует взять с Шехерта за улаживание его дела в комендатуре? А может, забрать у него брусы под видом конфискации и сбыть через подставных лиц?»

По прежней работе в полиции поручик имел богатый опыт по таким делам. Во Львове же встречалось немало особенностей, которые приходилось с трудом осваивать.

«Пожалуй, будет спокойнее получить от Шехерта просто деньги за то, что тот не будет арестован за сокрытие стратегического товара и содействие врагу», – принял он окончательное решение.

Вскоре офицеры отделения были приглашены в кабинет начальника, где подполковник Кириянов поставил их в известность о том, что капитану Белинскому под видом австрийского подданного предстоит выполнять ответственное задание командования и офицерам отделения следует оказывать ему всяческое содействие. При этом заметил, что при случайных встречах с ним в городе ни в коем случае не проявлять признаков знакомства.

– Теперь о неприятном, – нахмутив брови, продолжал подполковник. – Губернатор направил очередную жалобу в ставку командующего на действия офицеров армейских контрразведок во Львове. На этот раз, слава богу, отличились не мы, а чины Одиннадцатой армии, которые не поставили в известность губернатора и комендатуру города о проведении арестов, обысков и принудительного найма чиновников для своих служб. Теперь следует ждать соответствующего распоряжения. Я прошу учесть это в вашей дальнейшей работе.

– Позвольте, господин подполковник? – обратился Дашевский. – Почему бы губернатору не обратить внимания на работу чинов его собственного Особого отдела? Все мы знаем, как они ведут сыск, который сводится к полицейским облавам и обыскам по донесениям агентуры с последующей депортацией подозреваемых. Никакой продуманной и умной работы по вскрытию шпионских сетей во Львове. Шпионов же в городе, по нашим данным, предостаточно.

– Владимир Михайлович, – с многозначительной улыбкой вставил Корецкий, – неужели для вас секрет, как подбираются кадры губернаторских служб? Заниматься поимкой шпионов там определенно некому. Кругом адъютанты и помощники с баронскими и княжескими титулами...

– Господа, господа, – нетерпеливо прервал их Ширмо-Щербинский, – господин подполковник собрал нас здесь не для критики штаба генерал-губернатора. Дело совсем в другом. Вы знаете, насколько непросты отношения Брусилова с графом, и наша задача не ставить командующего в неловкое положение из-за наших возможных нарушений установленного порядка.

Совещание вскоре закончилось, и шоферу Снигиреву было поручено проехаться с Белинским по городу и ознакомить его с местами предстоящих перемещений.

Глава 11

Цензура

Военно-цензурное отделение города Львова приступило к работе с первых дней оккупации города.

Начальник отделения цензуры полковник Фатьянов и его заместитель доктор философии Филипп Свистун старались выполнять свои обязанности в строгом соответствии с положением о военной цензуре. Каждое утро сюда, на Чарнецкого²⁷, шестнадцать, доставлялись для просмотра кипы военной и частной корреспонденции. Ее вскрывали и просматривали, и если там содержалась военная тайна или обнаруживалось содержание преступного характера – изымалась и отправлялась в штаб армии. Письма на еврейском языке пересылали в Киев – в специальную цензурную комиссию.

Эта часть работы отделения не представлялась сложной. Куда хлопотнее было ставить штамп «Разрешено» на пробные экземпляры десяти дозволенных в городе газет, просматривать репертуары местных зрелищных заведений и прочие материалы публичных мероприятий. Ответственный за этот объем информации доктор философии Свистун старался не пропустить в них статей и высказываний, недопустимых по форме и содержанию в военное время, а также критики в адрес администрации. А этого хватало с лихвой не только в польскоязычных изданиях, но даже в редактируемой капитаном Наркевичем газете «Львовское военное слово». Начальник отделения даже считал необходимым обратиться по этому поводу лично к командующему фронтом с просьбой замены редактора другими лицами, «более отвечающими своему назначению».

Помимо защиты секретов и предотвращения распространения вредных слухов и домыслов, цензурное отделение выполняло еще одну важную функцию: представляло командованию обобщенный материал для анализа настроений среди офицерского состава и нижних чинов.

«Сейчас мы сидим в холодных окопах, позиция не благоустроена, землянки текут, – читает солдатское письмо цензор Фирсов, – болит левая грудь и большой кашель, не дающий спать. На сердце грусть за домом, и хотелось бы поскорее покончить эту кутерьму и зажить нормальной жизнью. Но надо переносить тяжелые труды и служить царю и родине, памятуя, что мы призваны защищать наше дорогое отечество от немцев и их варварских союзников турок».

Скрытый под ура-патриотическими фразами смысл не ускользает от натренированного глаза цензора, и солдатское послание никогда не найдет своего адресата.

Фирсов старается. Важно не совершить оплошность, подобную той, что допустил цензор капитан Гук, когда поставил штамп цензуры на конверте, адресованному «Его императорскому высочеству великому князю Сергею Михайловичу». Это вызвало нешуточный скандал. И хотя Гук в своем рапорте пытался оправдаться, дескать, сделал это чисто автоматически, так как означенное письмо в обыкновенном конверте, надписанном карандашом, было принесено ему вместе с другими частными письмами в открытом виде и он никак не мог предположить, что оно написано дочерью царя двоюродному дяде, его отстранили от работы с военной корреспонденцией, и теперь дальнейшая судьба капитана зависела от степени негодования в штабе армии по поводу случившегося.

Фирсов раскрыл очередное письмо, адресованное неким вольноопределяющимся Кадуковым своей жене в Москву. Автор подробно излагал содержание своей полемики по поводу состояния российской армии в компании с ранеными офицерами по дороге на фронт в гостинице в Бродах. Из содержания письма цензор без труда усмотрел панические высказывания

---

²⁷ Теперь улица В. Винниченко.

двух раненых офицеров и абсолютно пассивную и, возможно, примиренческую позицию присутствующего при споре неизвестного капитана с академическим значком на груди.

Письмо, как отражающее негативные тенденции в среде российского офицерства, было отложено в аккуратную стопку с аналогичной корреспонденцией.

Глава 12

Выход в город

Прошло два дня подготовки. Белинский обсуждал с Кирьяновым последние детали предстоящей операции. Капитан уже был в гражданской одежде. Чтобы она выглядела ношеной, прапорщик Новосад купил ее в еврейских лавках на Замарстынове. Это был черный, почти новый костюм, принадлежавший, по словам торговца, какому-то графу с Иезуитской, слегка разношенные ботинки из фирменного магазина Медлинга и вполне приличная мягкая шляпа всего за пол-рынского²⁸. В потертом саквояже, помимо всего необходимого для путешествующего человека, лежали две пачки денег в рублях и австрийских кронах, а также револьвер восьмого калибра с восемью патронами в барабане. На соседней улице Костюшко стоял фиакр, готовый доставить «Лангерта» на Мариацкую²⁹ в гостиницу «Европейская».

– Павел Андреевич, прошу вас быть предельно осторожным и внимательным, – давал последние наставления Кирьянов. – В случае каких-либо неожиданностей не торопитесь, постарайтесь связаться с нами. И вот еще что, – добавил он совсем серьезным тоном, – думаю, неправильно было бы скрывать от вас мое личное мнение о нашей операции. Все, задуманное нами, основывается на показаниях Лангерта, которые могут оказаться чистой выдумкой, сочиненной им для спасения собственной шкуры. Не исключено, что он рассчитывал таким образом попасть во Львов и там попытаться скрыться, когда мы будем использовать его в операции.

Во всяком случае, мы не должны оплошать. В ставке серьезно полагают, что большинство неудач на фронте объясняется действиями шпиона в самом штабе, и они уверены, что сейчас представился прекрасный случай его поймать. Откровенно говоря, я бы на их месте искал предателя в почтово-телеграфном ведомстве и навел бы порядок в шифровальных службах. Австрийские пленные офицеры не раз признавались, что свободно вскрывали криптографические системы, пользуясь нашей безалаберностью. – Кирьянов посмотрел на часы. – Ну что ж, пора. Ваш поезд полчаса назад прибыл на Центральный вокзал.

Они обнялись, и капитан, взяв саквояж, направился к черному выходу.

Не успел Белинский подъехать к «Европейской», как его обступила толпа уже знакомых ему по вокзалу факторов, наперебой предлагавших свои услуги:

- Etwas kaufen?³⁰
- Gans ordentliches?³¹
- Fir unterhaltung?³²

В фойе гостиницы стоял рояль и широкие, удобные кресла. На стенах висели портреты мужчин и женщин, одетых по моде прошлого века. В ресторане оркестр играл мелодии Штрауса. Официанты обносили напитками компании уже явно подвыпивших военных. Здесь можно было видеть представителей всех родов войск российской армии: офицеров пехоты и артиллеристов, гусаров и армейских казаков, штабных, священников, врачей полевых госпиталей и даже сестер милосердия в белых косынках с красным крестом, примостившихся в углу за чаем. Пьяные полковники и генералы сидели за одним столом с младшими офицерами, громко

---

²⁸ Рынский – местное название австрийского гульдена (флорина) до денежной реформы; один рынский равен двум кронам.

²⁹ Сейчас площадь Адама Мицкевича.

³⁰ – Что-нибудь купить? (нем.)

³¹ – Что-то приличное? (нем.)

³² – Развлечься? (нем.)

споря в густом папиросном дыму о спасительной миссии России, человеческой судьбе, предательстве министров, эгоизме союзников и зверствах противника.

Большинство из них направлялись на фронт, и здесь не действовал приказ военного коменданта относительно проживания офицерских чинов исключительно при своих частях, запрета знакомств с публичными женщинами и употребления спиртных напитков.

Получив ключ у портье, Белинский поднялся в свой номер. Впервые после долгого бытия не в одиночестве он мог наконец написать письмо матери. А потом он долго лежал с открытыми глазами и думал о неожиданном задании и этом необычном, застывшем в Средневековые городе с его многоязычными обитателями.

Утром у капитана возникло ощущение, будто он проснулся в городе своей юности Вильно – так знакомы были эти ранние звоны колоколов, бой часов на ратуше, гул первых трамваев и скрежет открывающихся ставен в магазинах и лавках.

В пустом зале ресторана, куда он спустился позавтракать, за чашкой кофе, раскладывая пасьянс, сидела в одиночестве дама. Заметив капитана, она улыбнулась ему той улыбкой, которая обычно не оставляет никаких сомнений относительно намерений ее обладательницы.

Портье сообщил Белинскому номер телефона, по которому его просили срочно позвонить. Это был Кирьянов:

– Хорошо, что тебя застал. Я уже послал к тебе Новосада. Дело в том, что только что прибыли вещи, найденные у Лангерта при аресте. На фото в удостоверении он, в отличие от фотографии, полученной нами из Брест-Литовска, без бороды и усов. Тебе следует побриться.

* * *

Взяв со стойки свежий номер «Газеты ранней», капитан вышел из гостиницы и двинулся вдоль по Мариаккой, по которой сейчас, в отличие от предвоенных времен, не громыхали многочисленные экипажи и не дефилировала шумная толпа.

До запланированного визита к адвокату Коркесу он решил немного пройтись по утреннему городу.

Вдоль сверкающих дорогами ювелирными украшениями витрин магазинов, внимательно поглядывая на каждого встречного, прохаживался военный патруль – три солдата под командой зауряд-прапорщика и унтер-офицера.

Солдаты навешивали на трамвайные и фонарные столбы телефонные провода. Ответственность за их сохранность возлагалась на дворников, как их здесь именовали – дозорцев, которые наблюдали за работой солдат из соседних домов.

Возле кухонь бесплатного питания уже скапливался народ в надежде получить свои пол-литра супа от сердобольных монашек. Несмотря на предпринимаемые усилия новой администрации, продовольственная проблема в городе оставалась сложной. Исправить быстро положение мешала специфика завоза провизии во Львов. До войны почти все продукты поступали в город издалека. Крестьяне соседних гмин³³, где основными сельскохозяйственными культурами являлись овес и рожь, доставляли в город лишь небольшое количество молока и овощей. Уже в конце марта в магазинах города обычно можно было купить молодую картошку из Африки и Алжира, чуть позже из Венгрии. Яблоки привозили из Тироля, цитрусовые из Италии и Франции, масло из Дании, сыры из Швейцарии. В магазинах было полно венских кексов, тортов и бисквитов. Каждый день по домам в белых возах развозилось свежее молоко из Пшеворска, а в зеленых – моравский хлеб, испеченный из малопольской муки. Розами и

---

³³ Гмина – наименьшая административная единица Польши.

фиалками щедро обеспечивала Ривьера. Теперь же все это заменили десятки народных кухонь, разбросанных по разным районам города в строгом соответствии с проживающим там контингентом, – для пролетариата, инвалидов и убогих, медицинско-артистической публики, преподавателей и профессуры, евреев.

Несмотря на проблемы с продуктами, в городе действовали многочисленные кафе или, как их здесь называли, «кавьярни», где еще можно было выпить сносный кофе, и кое-где даже с шоколадом.

Белинский шел и не переставал удивляться разнообразию и богатству архитектурных стилей города.

Рядом со средневековым готическим собором можно было увидеть здание в стиле классицизма. Костел эпохи Возрождения в композиции ренессанса или барокко соседствовал с дворцовыми постройками в стиле модерн или эклектики. Найти два одинаковых дома было невозможно. Один выделялся ломаными контурами мансардной крыши, другой – фигурами святых и живописной лепниной на фронтоне, третий удивлял встроенными в стену ниспадающими с верхних этажей колонами или изысканными железными решетками на окнах. В этом соревновании вкуса и богатства особое место занимали входные двери, или, как их тут называли, брамы – тяжелые, низкие и присадистые, с оригинальными декоративными деталями и богатым орнаментом.

На Краковской капитан решил заглянуть в большую униатскую церковь. Во внешнем облике храма и его внутреннем устройстве он не заметил никаких отличий от православной церкви. Тот же алтарь с иконостасом и амвоном, фрески на стенах, купол со сценами Ветхого и Нового Завета, пророки, апостолы, Богоматерь в окружении херувимов...

Шла утренняя служба, и в церкви был народ. Некоторые прихожане были с корзинами и узлами, очевидно, зашли сюда по дороге на рынок или на работу. Они запросто клали вещи на пол и становились на колени. В России это выглядело бы как неуважение к церкви. Странно также было видеть молодого священника, стриженного под гребенку и с бритой бородой, хотя его фелонь ничем не отличалась от православной. Молились прихожане тоже несколько необычно, быстро и как бы проводя круг перед собой, правда не преклоняя, как католики, одно колено.

Выйдя из церкви, Белинский продолжил путь через оживленный рынок на Краковской площади и далее по Казимировской³⁴ с ее многочисленными магазинчиками, лавками и мастерскими.

---

³⁴ Теперь часть улицы Городецкой до пересечения с улицей Шевченко.

Глава 13

В цирюльне

В древнем Львове, который в разные времена носил еще название Лемберг, Леополис, Левенсбрук и Львус, трудно выделить самые важные исторические места. Все здесь связано и переплетено прошлым. Особым свидетелем прошлого города является развилка уходящих на запад улиц – Городецкой, Клепаровской и Яновской³⁵. Когда-то на этом месте стояла рогатка, мимо которой в разные времена шли воины Казимира Великого и армии венгерских королей, орды монголо-татар и отряды казаков Хмельницкого, полки Карла Первого, Бонапарта и экспедиционные корпуса России. По этой развилке постоянно двигались караваны купцов и мигрирующий люд, бежали, спасаясь от вражеских осад и эпидемий, горожане...

Цирюльня Шимона Цвибельфиша под вывеской Fryzuer³⁶ стояла как раз в этом историческом месте, и из ее окна можно было наблюдать все трагические страницы уже нынешней истории города: потоки горожан на вокзал и транспорты эвакуируемых учреждений, отступление австрийских и наступление российских войск, сопровождаемые многочисленными повозками с ранеными, убитыми и толпами пленных.

Цирюльник был очень доволен расположением своего заведения, за что в душе неустанно благодарил своего отца. Старый Цвибельфиш купил цирюльню у родственников покойного Иосифа Марфельда и считал эту сделку достойным результатом своих нечеловеческих усилий выбиться из беспросветной нужды, промышляя лобакон³⁷ на Бориславских нефтепромыслах. Вначале, правда, ему больше нравилась идея приобретения кнайпы³⁸ на Шпитальной, которая, по заверениям ее хозяина Айзика Феля, приносила несравненно больший гешефт. Но в этом случае потребовалось бы отдать весь заработанный капитал, не оставив ничего на черный день. В итоге он прислушался к мнению жены, которая, как все женщины, не любила рисковать и которой сильно не понравился этот Фель. К тому же она смертельно боялась полиции, уделявшей Львовским кнайпам особое внимание.

Сын Шимона упрочил репутацию заведения, основными клиентами которого были местные мещане, торговцы с соседнего Краковского рынка, гимназисты и военные из казарм Фердинанда.

Цирюльник искренне любил свою работу и был абсолютно счастлив. Он понимал, что источником этого счастья являлось не столько его надежное, востребованное во все времена ремесло, да еще в таком бойком месте, а возможность постоянно общаться с людьми – по его глубокому убеждению, самое главное наслаждение в жизни человека.

Обладая большим мастерством незаметно увлечь клиента искусно подобранной темой, он превращал процесс бритья или стрижки в сеанс увлеченного общения двух интересных друг другу людей.

Слегка наклонив большую, абсолютно лысую голову, Цвибельфиш с добродушно-участливым выражением ненавязчиво, как бы сам с собой, заговаривал с очередным клиентом. Легкими штрихами он затрагивал то одну, то другую тему, нащупывая слабые места в укреплении, возводимом людьми вокруг себя из сдержанности, недоверчивости, высокомерия или просто

---

³⁵ Теперь улица Т. Шевченко.

³⁶ Парикмахерская (пол.).

³⁷ Лобак – добытчик нефти ручным примитивным способом в первой половине XIX века.

³⁸ Кнайпа – просторечное название питейного заведения (нем.).

стеснительности. При этом он никогда не допускал категорических высказываний, не оспаривал мнения собеседника и не касался политических и интимных вопросов первым.

Зазвенел дверной колокольчик, и в цирюльню вошел фабричный инспектор Казимир Михальский, он же тайный агент Особого отделения штаба генерал-губернатора по кличке Равский. Подобно Цвибельфишу, он тоже был страстным поклонником человеческого общения, правда, с чисто корыстными целями. Ни для кого не являлось секретом, что Михальский до войны состоял в особых отношениях с комиссаром второго класса Львовской дирекции полиции Щепаном Пивинским. В самом начале войны комиссар вместе с дирекцией полиции благополучно эвакуировался в Бялу, а Михальский, следуя своему призванию и таланту, продолжил работу с секретными российскими службами, теперь уже как Равский. Жил он на соседней улице Шопена и часто, по привычке, заходил в парикмахерскую перекинуться словом и обменяться новостями с такими же, как он, равнодушными к происходящему завсегдатаями или просто почитать свежие газеты.

Бросив оценивающий взгляд на единственного клиента – пожилого толстяка с намыленными щеками, агент опустился в издававшее виды кресло у столика, заваленного газетами и старыми журналами.

– Русские никогда не возьмут Перемышльскую крепость, – изрек полный господин, очевидно продолжая уже начатую беседу с цирюльником. – Мой брат, полковник, был там полгода назад. Крепостные укрепления на самом современном уровне и абсолютно неприступны. К тому же там сильный гарнизон, а продовольственных запасов предостаточно на целый год обороны. А без этой крепости вся русская наступательная кампания ни черта не стоит.

Цвибельфиш бросил тревожный взгляд на Михальского, который уже оторвался от «Дзенника польски» и напряженно смотрел на белую горку пены на его указательном пальце.

– А вы слышали, господа, что турки без объявления войны обстреляли Одессу и Севастополь? – попытался сменить опасную тему Цвибельфиш и тем самым оградить клиента от больших неприятностей.

Но тот самоуверенным тоном продолжал:

– В крепости неплохо налажено воздушное сообщение. Они постоянно летают аэропланами на доклады в Вену. К тому же я думаю, они сами скоро начнут атаковать русских.

Цвибельфиш сделал еще одну попытку спасти слишком беспечного клиента, обратив внимание своих посетителей к похоронной процессии, которая в этот момент следовала мимо костела в сторону Яновского кладбища, но и это не помогло. Михальский продолжал не сводить сосредоточенного взгляда с пальца цирюльника, на который была снята с бритвы очередная порция пены.

Тогда Цвибельфиш крепко взял толстяка за нос и стал усиленно скрести бритвой его пухлые щеки.

– Прошу прощения, – осторожно начал агент, – если информация пана верна, а это наверняка так, это может существенно повлиять на настроение наших упавших духом сограждан здесь, в тылу противника?

– Именно, – выдавил сквозь зажатый нос толстяк, – мы должны быть готовы к решительным переменам на фронте.

– Как приятно встретить в наше непростое время единомышленника со стойкой верой в скорую победу над азиатскими ордами, – не скрывая удовольствия, изрек Михальский.

– Никто из нас не должен сомневаться в победе, – мычал толстяк уже сквозь пропаренное полотенце, которое поспешно было наброшено на его лицо.

Но Михальский не слушал, он узнал в этом самодовольном типе управляющего кинотеатром «Лев».

Накануне агент уже принес ротмистру Сушкову пару ценных сообщений. Первое – о двух поляках: кассире и мастере цементного завода акционерного общества «Волынь» вблизи

станции Здолбуново, которые выражали откровенные симпатии к немецким и австрийским войскам и наверняка занимались шпионажем. Второе – о сбежавшем из плена лейтенанте австрийской армии Франце Роговском, жившем на третьем этаже дома двадцать четыре по улице Потоцкого³⁹, выдававшего себя за трамвайного кондуктора.

А сегодня рано утром на рынке он услышал о вагоне со ста восьмьюдесятью кругами колючей проволоки, брошенном австрийцами в одном из тупиков станции Клепарово⁴⁰.

И вот сейчас – этот жирный тупица из кинотеатра «Лев»...

«Совсем неплохо». Михальский размышлял о размере вознаграждения за свое усердие, когда в цирюльню вошел очередной клиент.

– Пан желает стричься? – неуверенно спросил Цвибельфиш, скользнув взглядом по аккуратной стрижке молодого интеллигентного человека в приличном костюме.

– Я хотел бы сбрить усы и бороду, – ответил тот, присаживаясь рядом с агентом.

«Ну и денек!» – мысленно сокрушался цирюльник, невольно взглянув на Михальского.

А тот уже тщательно изучал нового подозрительного субъекта, который намеревался так кардинально изменить свою внешность.

Не обращая внимания на управляющего кинотеатром, который уже рассчитался и собирался уходить, Михальский мучительно подыскивал тему для начала разговора с незнакомцем.

Наконец, откашлявшись и придав лицу слащаво-заговорщическое выражение, он вымолвил:

– Некоторые пани наверняка будут огорчены исчезновением таких соблазнительных усов?

– О нет, наоборот, некоторые пани будут счастливы, что их прихоти беспрекословно выполняются, – с легкой улыбкой ответил молодой человек.

Цирюльник весело рассмеялся. Михальский же с глупой миной продолжал вопросительно смотреть на незнакомца, надеясь, что тот пустится в объяснения причин своего странного поступка. Но тот остался сидеть молча, покачивая ногой в такт простецкой мелодии польки, доносившейся из шинка через дорогу.

Между тем Цвибельфиш закончил раскладывать по карманам сполоснутые и протертые расчески и ножницы, поправлять на тумбе многочисленные парфумы⁴¹ и мыла и пригласил пациента в кресло.

Неудачная попытка разговаривать с незнакомцем разожгла профессиональный азарт тайного агента Равского, и он решил действовать дальше более простым и проверенным способом. Выйдя из цирюльни и убедившись, что подозрительного господина не ожидает экипаж, он стал искать удобную позицию для начала предстоящей слежки.

Белинский не слушал занятную историю Цвибельфиша о пожаре в хлебопекарне в соседних казармах Фердинанда⁴², где сгорели бочки с остатками керосина и колесной мазью, а один из солдат обжег лицо. Он упрекал себя за легкомысленное решение зайти в первую попавшуюся цирюльню и так неосторожно обозначиться⁴³ в оживленном районе города. Ведь можно было спокойно сбрить бороду в офицерской гостинице «Сити» или, на худой конец, в казарме.

Поблагодарив мастера за аккуратную работу и расплатившись, капитан вышел на улицу. Свернув на Красицких⁴⁴, он быстрым шагом направился в сторону Иезуитского парка⁴⁵, рядом с которым находилась адвокатская контора Коркеса.

---

³⁹ Теперь улица Загородная (на Левандовке).

⁴⁰ Теперь в черте города, станция не существует, осталась улица Клепаровская.

⁴¹ Парфум – одеколон, туалетная вода и т. д.

⁴² Здание на улице Городецкой, 40.

⁴³ Обозначиться – на профессиональном жаргоне означает «привлечь к себе внимание».

⁴⁴ Теперь улица Огиенко.

⁴⁵ Теперь парк имени Ивана Франко.

В витрине цирюльни виднелась застывшая фигура Шимона Цвибельфиша. С озабоченным и растерянным видом он наблюдал, как из толпы на трамвайной остановке отделилась фигура тайного агента и последовала за его недавним клиентом.

Глава 14

Адвокат Коркес

Адвокатская контора доктора Натана Коркеса с табличкой *Obronca w sprawach karnych*⁴⁶ располагалась на улице Костюшко, три, рядом с «Народной гостиницей».

Коркес принадлежал к так называемым *polacy wyznania mojzeszowego*⁴⁷ – как почти официально называли в Галиции ассимилированных евреев.

Более десяти лет Коркес являлся членом львовской палаты адвокатов и, если бы не война, вполне возможно, был бы избранным ее председателем на очередном несостоявшемся съезде. В отличие от большинства своих коллег он не уехал в Вену, а остался во Львове продолжать выполнять свои профессиональные обязанности.

Во время мобилизации австрийские власти стали привлекать гражданских судей и юристов к работе в аудиториате⁴⁸, но Коркесу удалось этого избежать, тем самым сохранить незапятнанную репутацию перед новой администрацией, и теперь он рассчитывал на свою востребованность.

Русские нуждались в помощи местных юристов, ведь временный правовой порядок в Галиции все еще основывался на австрийском уголовном праве. Прекращены были лишь дела, касающиеся деяний против неприкосновенности территории, верховной власти и государственного строя монархии. В суде временно разрешалось говорить по-польски, несмотря на установленный официальный русский язык с его местными наречиями.

Через связи в магистрате Коркесу быстро удалось установить контакты с российскими военными чиновниками, осуществлявшими наблюдение за отправлением правосудия в Галиции, и теперь он пользовался всеми благами посредничества между своими обездоленными соотечественниками и оккупационными властями.

Когда Белинский зашел в контору, адвокат консультировал служащих Управления Галицийской железной дороги. Обескураженные чиновники искали выход в создавшейся обстановке, связанной с приказом губернатора Бобринского выселить в течение сорока восьми часов из казенного дома на Зигмунтовской, три⁴⁹ всех служащих их ведомства, не пожелавших сотрудничать с новой администрацией.

– Господа, – наставлял их Коркес, – не забывайте, что мы находимся на оккупированной территории и правовых аргументов для вашего дела сейчас нет. К тому же вам хорошо известно, что для русских железная дорога сейчас – предмет самого особого внимания, от состояния которой зависит снабжение фронта.

– А нельзя ли наше дело уладить в приватном порядке? – неуверенно спросил один из служащих.

– Исключено, – категорически отрезал адвокат, – по этой части у губернатора твердая позиция, и никто не рискнет действовать вразрез с ней. Господа, я настоятельно советую вам смириться с обстоятельствами и съехать куда-нибудь на некоторое время, – с сочувствующим тоном продолжал Коркес. – Поверьте мне, подобное случается почти каждый день и, к сожалению, не имеет юридического разрешения. Как ни парадоксально, мы должны быть довольны тем, что русские считают Галицию своей новой губернией, ведь это не позволяет им прово-

---

⁴⁶ Адвокат по уголовным делам (*пол.*).

⁴⁷ Поляки Моисеева вероисповедания (*пол.*).

⁴⁸ Аудиториат – военный суд, который рассматривал уголовные дела воинских чинов.

⁴⁹ Теперь улица Гоголя.

дить тотальную реквизицию имущества у собственного населения. Впрочем, – смялся он, – они используют другие возможности.

На днях, например, военные ограбили в соседнем с нами пятом доме госпожу Шейнблум. Представляете, люди в военной форме повалили пожилую женщину на пол и стали душить, пока она не отдала ключи от кассы с ценностями. И что вы думаете? Дворник, впустивший грабителей в дом, и другие свидетели из жильцов были так напуганы, что показали, что не видели никаких солдат, и дело за необнаружением виновных было закрыто.

Последние доводы подействовали, и железнодорожники, тяжело вздыхая, покинули контору.

Приезд Лангерта весьма удивил Коркеса. Поездка из Варшавы во Львов в нынешних условиях представлялась ему чуть ли не подвигом.

Но капитан без тени смущения пояснил, что война не изменила отношения людей к деньгам и они по-прежнему остаются самым надежным средством получать пропуска и свидетельства о непригодности к военной службе.

– Да-да, – понимающе кивал адвокат, которому жизненный подход молодого человека весьма импонировал. – Ну что ж, давайте посмотрим, что мы имеем с вашим делом, – засуетился он, доставая из шкафчика папку с надписью Testament Augusty Matachowskiej⁵⁰. – Как я вам уже писал, ваша тетушка завещала сумму в тридцать тысяч крон на публичные цели: пять тысяч на польские школы и так далее. Она не оставила каких-либо пожеланий в отношении оставшихся в банке десяти тысяч крон и своего дома. Вы, конечно, понимаете, что с оформлением ваших прав следует повременить. Кто знает, может, уже в ближайшее время все станет на свои места. – Какие места, Коркес не уточнил, лишь, нагнувшись, многозначительно прошептал: – Ходят слухи, что в сторону Перемышльской крепости уже двигаются немецкие части. Я думаю, поэтому русские начали вокруг Львова эти масштабные саперные работы.

В дверях показалась секретарша и сообщила, что явился управляющий завода «Металл» с улицы Крашевского⁵¹. Коркес поспешил закончить дела с Лангертом. Укладывая папку с завещанием обратно в шкаф, он пояснил:

– Пока вы можете свободно поселиться в квартире вашей покойной тетушки. За домом присматривает вполне порядочная семья русинов, которая проживает на первом этаже. Они уведомлены о вашем возможном приезде и помогут вам устроиться. Наберитесь терпения, мой друг, – ждать осталось недолго.

В дверях Лангерта чуть не сбил с ног сильно запыхавшийся господин, который уже с порога начал громко негодовать по поводу изъятия русскими с его завода без надлежащей компенсации динамо-машины и фрезерного станка.

Дом Матаховской на Черешневой стоял среди подобных ему двухэтажных особнячков, странным образом сохранившихся в этой, почти центральной, части города. Дверь открыл пожилой мужчина, который представился Василием Ваврыком. Он не выразил особого удивления приезду наследника и без лишних вопросов проводил капитана на второй этаж.

Квартира Матаховской была уставлена старинной мебелью, на полу лежали порядком выцветшие ковры, а все стены были увешаны семейными фотографиями и картинами с горными пейзажами Карпат. В гостиной выделялась одна из картин в большой позолоченной раме с портретом импозантного господина в конфедератке с овчинным околышем, очевидно супруга покойной. Самой главной роскошью квартиры была широкая двуспальная кровать с огромным резным изголовьем. В кабинете на столе рядом с Библией и засохшей чернильницей капитан нашел семейный альбом. Просматривая его, он обратил внимание на фотографию молодой

---

⁵⁰ Завещание Августы Матаховской (пол.).

⁵¹ Теперь улица С. Крушельницкой.

супружеской пары с сидящей перед ней в кресле солидной дамой. Мужчина в форме австрийского офицера, в темно-синем мундире с саблей и парадном кивере, был очень похож на фотографию Лангерта.

Капитан открыл саквояж и достал вещи. Перспектива проживания в чужой квартире со старушечьими запахами его не вдохновляла, но какое это имело значение по сравнению с важностью предстоящей операции, исход которой, по словам командующего армией, мог повлиять на успех всей осенней кампании.

Глава 15

Разработка резидента

Сообщение агента Равского о выслеженном им подозрительном субъекте поступило в Особое отделение штаба губернатора одновременно с телеграммой из Одессы. Начальник одесских жандармов полковник Шредер сообщал о некоем Андреусе, якобы заброшенном во Львов для руководства всей шпионской сетью немецкого разведцентра. Приметы обоих во многом совпадали. Установить неизвестного не представило труда. Уже на следующий день он явился в районный полицейский участок для регистрации и назвался австрийским подданным Владиславом Лангертом, приехавшим из Варшавы по наследственным делам.

В Варшаву был срочно направлен запрос, а за объектом установлено наружное наблюдение. В проверку были взяты сосед объекта и посещаемый им адвокат Коркес.

Подозрения в отношении объекта у офицеров Особого отделения значительно возросли, когда филеры доложили о его профессиональных действиях по обнаружению слежки. А вскоре из Варшавы пришел ответ, что человек с запрашиваемыми данными еще в сентябре месяце был арестован с поддельными документами и этапирован в Брест-Литовск.

Для организации разработки Лангерта материалы на него были переданы во Львовское жандармское управление, функциями которого являлись политический розыск и производство расследования по делам шпионажа в пределах Галиции. Объекту присвоили кличку Резидент. Контроль над делом взял непосредственно начальник управления полковник Мезенцев – человек с богатейшим опытом разыскной работы в охранных и жандармских ведомствах.

С учетом важности дела слежку за резидентом решили проводить в исключительных случаях. «Хочешь завалить разработку – пускай филеров», – следовал своему железному правилу Мезенцев. Для выявления связей объекта полковник распорядился организовать рядом с его домом стационарный пункт наблюдения, а в квартире незаметно провести обыск во время отсутствия хозяина. Для этого понадобилось вывести из дома супругов Ваврык. Повод их вызова в полицейский участок быстро нашелся. Выяснилось, что их сын служит в украинском легионе под командованием генерала Гофмана где-то в закарпатских селах. Более того, его имя оказалось в списках участников съезда украинской партии, проходившего за год до войны в еврейском центре Jad Charusin.

Одновременно шло изучение адвоката Коркеса с целью его вербовки для использования по делу. Личность этого адвоката уже была известна в жандармском управлении по его многочисленным ходатайствам об освобождении из тюрьмы своих подопечных. Было решено использовать последние хлопоты Коркеса в отношении некоего Альфреда Мюнтера – семидесятилетнего землевладельца из Куликово Жолковского уезда. Согласно заявлению Коркеса, старика посадили потому, что он не собрал сорока рублей на взятку какому-то жандармскому офицеру, угрожавшему ему расстрелом за то, что его сын служит лейтенантом в австрийском пехотном полку. С этим к нему явился ротмистр жандармского управления Комадзинский. Адвокат был ужасно перепуган, но быстро воспрянул духом, сообразив, что от его правильного поведения старика могут не депортировать в Поволжскую губернию. Он охотно ответил на все интересующие вопросы офицера, в том числе и в отношении всех своих клиентов по имущественным делам. При этом без тени смущения заверил о готовности и впредь оказывать содействие новой власти. Последующие встречи показали, что он правильно понял свою роль. Уже вскоре он доверительно сообщил ротмистру, что на городской электростанции работает с десятков российских дезертиров, а каменщик из села Радия хранит в сарае в мешке ружье. Правда, при этом адвокат не преминул обратиться к жандарму с ответной просьбой: оказать

содействие некоему Менделю Голюрману в открытии заведения торговли табачными изделиями на Городоцкой, три.

Время шло, однако, несмотря на все предпринятые меры, ведомство Мезенцева ничего существенного в отношении Резидента так и не получило. Лангерта никто не посещал на дому, а его редкие выходы в город выглядели обычными прогулками.

Стало также очевидным, что Коркес в качестве агента не годится для данной разработки, и опытный полковник распорядился найти для этого более подходящую кандидатуру.

Такой случай представился, когда выяснилось, что Лангерт иногда заходит в кнайпу «Вулий».

Глава 16

Подстава агента

«Вулий» на углу Академической⁵² и Зиморовича⁵³ всегда был излюбленным местом городских артистов, музыкантов и прочих творческих личностей. Многие из тех, кто не покинул город, по-прежнему приходили сюда, чтобы хоть немного отвлечься от суровых будней военного времени и как прежде, в своем кругу за чашкой кофе, посмаковать свежие новости и слухи, вспомнить былую жизнь на сцене и вокруг нее.

Около девяти часов вечера, без проводов услужливого швейцара, последние посетители тихо, без былого шумного веселья, выходили на улицу, где вместо оживленной суеты их встречало молчаливо-гнетущее безлюдье предкомендантского часа.

Оперный певец городского театра Альфред Сташевский, рассеянно слушая вице-председателя театрального общества Стефана Дындры, разглядывал посетителей в зале.

– Дирижер Солтыс был великолепен, если не считать несколько растянутое *allegretto*, – доносилось с соседнего столика.

– А я вас уверяю, Варшавский филармонический оркестр имел лучшие моменты лишь в ноктурнах Дебюсси, – спорили за другим.

«Война все изменила, – с грустью думал певец, – теперь здесь не услышишь выстрелы шампанского, исчезло кабаре, поэтические декламации и импровизированные сценки. Кто бы мог подумать, что вон тот небритый господин, вместо привычного элегантного костюма с бабочкой в сером потертом свитере, – не кто иной, как известный театральный меценат доктор Стефан Хажевский? А вон там пианист Ян Коханьский мило беседует со своим некогда злейшим врагом – театральным критиком Зигмунтом Венглевским, подвергавшим его унижительной критике в театральной прессе за исполнение прелюдий и фуг Макса Регера».

Да и он сам, Сташевский, сидит сейчас как ни в чем не бывало в одной компании с человеком, который в свое время публично обозвал его распутником и обвинил в злоупотреблении своей популярностью среди почитательниц его таланта. Правда, это было не так далеко от истины. Многие достойные дамы города и в самом деле, упоминая его имя, мечтательно возносили глаза к небу в немой мольбе о спасении его души. Сейчас певцу уже за сорок. Его молодость прошла во времена перемен на грани веков, когда провинциальный Львов переживал самый яркий и знаменательный период своей жизни, превращаясь в мощный культурно-экономический центр империи, обгоняя даже столицу бешеными темпами развития.

Прекрасный тенор певца вызывал восхищение львовской публики и завоевал немало поклонников в результате гастролей в Вене, Кракове и Варшаве.

Яркая, беззаботная жизнь Сташевского проходила на приемах в светских салонах и на пикниках в кругу многочисленных почитателей его таланта. Но ближе к войне интерес к театру, как и вообще к искусству, в городе стал резко падать. В преддверии мировой катастрофы всех больше волновали собственные судьбы.

Война окончательно выбила почву из-под ног артиста. Он запил, перебивался случайными заработками, выступая в далеко не престижных местах. Иногда заходил сюда, в «Вулий», чтобы поворошить прошлое с такими же, как и он, неудачниками и в который раз пересказать им свои былые приключения на балах и карнавалах во дворцах Голуховских, Дзедушинских и Бадени.

---

⁵² Теперь проспект Т. Шевченко.

⁵³ Теперь улица Дудаева.

Но сегодня Сташевский зашел сюда не случайно. Он внимательно осматривал каждого нового посетителя, словно кого-то поджидал.

– Как вам это нравится? – продолжал разглагольствовать о новых инициативах губернатора Бобринского вице-председатель театрального общества – лысый толстячок с короткими рыжими усиками. – Они решили оживить культурную жизнь города постановками русских спектаклей и для этого привлечь лучших российских антрепренеров Савина и Багрова. А что касается польского репертуара, то посчитали достаточным ограничиться несколькими так называемыми русско-польскими концертами, которые под общим знаменем славянства будет организовывать этот выскочка Залевский.

– Наш балетмейстер? – все так же полуотстраненно спросил Сташевский.

– Не-ет, это *их* Залевский, из Московской оперы, – с кислым видом пояснил Дындра.

– Это неслыханно! – воскликнул преподаватель музыкального института Адольф Легинский. – И это в городе, где большинство населения – поляки! Даже в конгрессовке⁵⁴ в Варшавском оперном театре не ставилась ни одна русская опера. На сцену не пускали даже Рубинштейна.

– Зато у нас на сцену бывшего Coliseum пускают с представлениями евреев, – иронически произнес Сташевский и плеснул себе в кофе немного коньяка из небольшого чайничка, который в эти суровые дни прохибиции⁵⁵ являлся знаком особого внимания хозяина заведения Езефа Фельцера к своим именитым клиентам. Степень этого расположения было трудно переоценить, учитывая, что за нарушение сухого закона хозяину угрожал штраф в тысячу рублей, а то и несколько месяцев тюрьмы.

– Что касается евреев, то тут надо отдать должное личной инициативе их режиссера Шиллинга, – заметил Дындра. – Насколько я знаю, свое прошение губернатору насчет выступлений он обосновал как «последнюю возможность спасти от голода обремененных многочисленными семьями артистов еврейского театра».

– Я думаю, тут сыграло другое, – поспешил вставить Легинский, – большую часть выручки он обещал отдать в лазареты, а во время антрактов предоставлять сцену русским певцам и певицам.

– Господа, а вам известно, кто из *наших* направляется в Россию «оживлять там культурную жизнь»? – повернулся с иронической улыбкой к своей компании Сташевский и лишь после того, как нарочито медленно прикурил потухший окурок сигары, удовлетворил любопытство присутствующих: – В городской комендатуре готовят к отправке в отдаленные губернии России директора Черновицкого театра Кошрика и профессора Шиндру. И заслужили они это тем, что для поднятия духа сограждан организовали патриотический концерт в ознаменование неудачного наступления русских в Буковине.

Последняя новость вызвала у всех нервный смех.

– Кстати, кто читал статью в последнем номере газеты «Русское военное слово» в разделе «Театр и музыка»? – вспомнил Дындра.

Что касается Сташевского, то он эту газету не читал, но с ее главным редактором капитаном Наркевичем имел честь быть знакомым. Ведь именно его, Сташевского, среди всех выделил Наркевич на встрече новой администрации с представителями культуры в магистрате, пригласил в редакцию, а затем представил офицеру жандармского управления Сушкову. Именно после этого знакомства Сташевский, без особой душевной ломки, стал русским агентом с псевдонимом Солист. Выполнение несложных поручений, в основном информаци-

---

⁵⁴ Конгрессовая Польша – ироническое название поляками царства Польского в составе Российской империи с 1815 по 1917 год.

⁵⁵ Прохибиция – сухой закон.

онного характера, поправило материальное положение певца и позволило отказаться от унизительных выступлений в ресторанах.

– Я читал, – сразу откликнулся Легинский, поправляя пенсне на крючковатом носу, – и считаю их убежденность в родстве наших культур вполне искренней. Я давно заметил, что польское искусство входит в моду в русском обществе. Посудите сами: Балакирев увлекся Шопеном, Репин ездил к Матейко, правда, застал его уже в гробу... А в Варшавской филармонии я был свидетелем успеха Сергея Рахманинова. Его фортепьянный d-moll был самым интересным в программе.

– Чепуха! Это все фрагменты, – махнул рукой Дындра. – Прошлым летом я был в Санкт-Петербурге и убедился, что в России поляки не очень популярны. Русские националисты нас открыто ненавидят, особенно нас, галицийских, которые, по их убеждению, угнетают русское население.

Более или менее прогрессивные политики и неослависты там полностью оттеснены и избегают наших тем. Вообще, наш польский вопрос затрагивают, только когда говорят об общем политическом положении, не имея в виду каких-либо изменений в будущем.

Неожиданно он замолк и со всеми остальными с любопытством, с которым всегда встречают незнакомых в компаниях, где все прекрасно знают друг друга, посмотрел на вошедшего в кафе господина.

Это был Белинский. Он уже бывал здесь, и ему понравилась атмосфера этого уютного, спокойного заведения с запахом душистого кофе, хорошего табака и приглушенных разговоров учтивых, интеллигентных господ.

Капитан снял шляпу и приветливо кивнул стоящему за стойкой Езефу Фельцеру, с которым уже был немного знаком и от которого даже получил ряд ценных советов, как выгодно конвертировать российскую и австрийскую валюту по неофициальному курсу.

Заказав кофе и взяв со стойки номер «Курьера львовски», он направился к свободному столику, как раз по соседству с компанией Сташевского.

Вскоре интерес к нему угас, и все вернулись к своим разговорам.

Газета оказалась старой, еще с обращением главнокомандующего российской армией великого князя Николая Николаевича к полякам на первой странице. Газеты с этим обращением градоначальник велел держать во всех присутственных местах города. Белинский раскрыл последнюю страницу, где содержалась скудная городская реклама.

«Какое же место «волк» предпочтет для их встречи? – читал объявления капитан. – Аптеку «Под Золотой Звездой», пассаж Миколяша, кофейный магазин Эдмунда Ридля на Театральной напротив кафедрального собора, книжную лавку на Академической, два...»

Неожиданно он услышал слова, с которыми к нему обращался господин за соседним столиком: «*Od powietrza, ognia, wojny I od wskrzesicieli, zachowaj nas Panie!*»⁵⁶

Сидящие с ним господа тоже повернулись в его сторону, надеясь удовлетворить свое любопытство его ответом.

В произнесенных словах прозвучало что-то знакомое, но что именно, Белинский не мог вспомнить. Во всяком случае, судя по тому, что глаза незнакомца скользнули по газете, они относились к передовице – этому бестолковому обращению к полякам русского главнокомандующего, представлявшему собой нелепую смесь заверений в великодушии, откровенных угроз, неуместных оправданий и неуклюжих увещеваний без каких-либо твердых обещаний в будущем свободы и независимости польскому народу. Ничего, кроме неприятного чувства стыда и неловкости, у капитана оно не вызывало.

– Да, судьба снова ставит нас перед серьезным выбором, – ответил капитан, решив отделаться ничем не значащей фразой.

---

⁵⁶ «От воздуха, огня, войны и Воскресителя спаси нас, Боже!» (пол.)

Незнакомец больше развернулся к Белинскому и доверительным тоном произнес:

– А мне кажется, нам не надо выбирать. Мы уже раз выбрали и поверили обещаниям русского царя, и в результате вновь надели на себя ошейник неволи.

Внешность незнакомца, искусственные паузы в движениях и речи, мягкий, хорошо поставленный голос выдавали в нем артиста.

Белинский наконец вспомнил, откуда он знает только что услышанную фразу. Она принадлежала Мицкевичу и была сказана в адрес императора Александра Первого при создании Польского королевства.

Артист между тем продолжал:

– Разве мы не помним, как в свое время император уверял Костюшко, что поляки получат свою родину? Нам была дана конституция, сейм, у нас даже были свои министры. Мы думали, что получили свободу. И чем все кончилось? Россия нас снова использовала в своих целях, превратив в оборонительную стену от Австрии и Германии, в свой плацдарм для похода в Европу.

– А пан, очевидно, искренне надеется получить свободу и независимость под знаменами Германии и Австрии? – непринужденно спросил Белинский.

Незнакомец некоторое время осмысливал ответ на этот неожиданно каверзный вопрос и, возможно не найдя ничего лучшего, расхохотался все тем же профессиональным смехом, затем встал и с театральной улыбкой протянул руку капитану:

– Альфред Сташевский, ведущий солист Львовского театра. Вы позволите? – указал он на свободный стул возле его столика.

«Насколько колоритна эта львовская публика, – удивлялся Белинский, возвращаясь домой после горячих споров о прошлом и будущем польского общества в непривычной для него компании, – сколько, однако, у этих господ искреннего любопытства ко всем проявлениям жизни, неизменного чувства юмора и откровенной любви ко всему яркому и необычному!» Знакомство в кнайпе «Вулий» нисколько не вызвало у него подозрения, наоборот, оно приятно разнообразило его вечернее одиночество.

Глава 17

В отделении

Наступила холодная зима 1914 года. Война приобрела черты затяжного позиционного характера. На Западном фронте российские войска готовились к вторжению в пределы Германии, а в Галиции у них стояла задача одержать решительную победу над австрийцами и тем самым обеспечить левый фланг главной операции.

Гарнизон Львова был переподчинен командованию Одиннадцатой армии, но контрразведывательное отделение армии Брусилова по-прежнему оставалось в городе, чтобы выполнять важную задачу по вербовке агентуры для заброски в тыл врага. Из штабов корпусов и бригад армии, воевавших в Карпатах, непрерывно поступали телеграммы с просьбами забросить разведчиков в тыл противника для сбора сведений о его обороне и состоянии перевальных дорог.

Эти разведчики подбирались из самых разных городских слоев: интеллигентов, фабричных рабочих, контрабандистов, проституток и даже подростков. После короткой подготовки лазутчиков снабжали нехитрыми легендами и в сопровождении унтер-офицеров доставляли на линию фронта к командирам сторожевых охранений. Во время перехода многие из них гибли под обстрелом, подрывались на минах, попадали в руки военной жандармерии противника, сдавались, терялись на местности или просто скрывались. С ценной информацией возвращались немногие.

Почерк работы австрийской фронтовой разведки мало отличался от русской, разве что вознаграждения агентам не были такими щедрыми. Желающих же рискнуть жизнью ради нескольких сотен рублей или крон у обеих сторон было предостаточно.

Почтовый ящик на калитке ограды Матаховской пустовал.

Девятнадцатого декабря⁵⁷, в день именин государя, Белинский решил навестить товарищей. Попетляв по узким улицам города и пройдя через пару проходных дворов, он зашел в отделение через черный вход со стороны Сикстусской.

Несмотря на государственный праздник, контрразведчики были на своих рабочих местах.

Дашевский выполнял важное задание штаба фронта: делал выборку агентов с оперативными возможностями в Румынии. Внезапная смерть румынского короля сделала обстановку в республике нестабильной, и было не ясно, на чьей стороне теперь выступят румыны. Для русской разведки Бухарест являлся важным промежуточным пунктом для связи с агентурой в Австрии и Венгрии.

На столе уже лежали готовые материалы на двух кандидатов. Сотрудник львовской газеты «Новый край», ратник ополчения Фишу при условии не быть призванным в армию и оплате в четыреста рублей проявил инициативу выехать и контролировать «важный» пункт в Румынии.

Весьма обнадеживающей была характеристика и на другого кандидата – коммивояжера Моисея Секлера: «интеллигентный, вполне приличный с виду, хотя еврей, но еврейского мало».

Ротмистр Корецкий был поглощен работой над рапортом, в котором предстояло опровергнуть безосновательные обвинения и гнусные намеки начальника транспортной роты полковника Крыленко, который, проходя по улице Кароля Людвига⁵⁸, заметил, как в автомобиле, находящемся в распоряжении отделения, несколько раз проехала дама с большой собакой.

---

⁵⁷ По новому стилю.

⁵⁸ Теперь проспект Свободы.

В указанный день этот автомобиль был выделен ротмистру Корецкому для поездки в Здолбунов, где ему надлежало разобраться с весьма серьезным сообщением местного коменданта этапного пункта о том, что немцы – хозяева местных колбасных лавок в городке – вкладывают шпионскую информацию в колбасы и пересылают ее противнику через кондукторов-евреев.

Перед докладом начальству об этом вопиющем факте использования армейского транспорта для перевозки гражданских лиц Крыленко потребовал объяснение у Ширмо-Щербинского, и тот был в ярости.

– Опять дама! Ротмистр! – обрушился он на Корецкого. – Это непростительный поступок для офицера штаба армии!

История с автомобилем и в самом деле вышла скверная. В канцелярию управления снабжения фронта поступило уже немало сигналов о том, что шоферы за деньги возят частных лиц, и там, безусловно, ждали подходящего случая наказать виновных. Кроме этого, Крыленко неоднократно направлял рапорты начальству, в которых оспаривал право отделения иметь в своем распоряжении автомобиль, который, по его мнению, должен быть приписан к его роте.

Корецкому в конце концов все же удалось охладить пыл начальника, представив весьма вескую причину своего поступка: автомобиль, по его словам, оказывается, перевозил близкую родственницу одного из эндековских руководителей, что являлось важной частью работы отделения по укреплению позиций среди польских партийцев.

В конце концов Ширмо-Щербинский махнул рукой и велел ротмистру изложить как можно убедительнее все в рапорте.

Белинского угостили именинным пирогом, специально доставленным в отделение из штаба армии, и он невольно был вовлечен в спор между офицерами по поводу целесообразности наступления в сторону Венгрии.

– Павел Андреевич, – спрашивал у него Новосад, – скажите, пожалуйста, зачем мы лезем в эту карпатскую мясорубку? Неужели у нас нет других способов покончить с австрийцами?

– Наверное, у командования есть для этого основания, – ответил капитан.

– Но мы же можем завязнуть в этих горах и позволить австрийцам собраться с силами, – озабоченно рассуждал прапорщик.

– Очевидно, в Ставке принимают решения с учетом интересов наших союзников и ситуации на Западном фронте, – предположил Белинский.

– Вот именно. Интересы наших союзников и наши обязательства перед ними больше всего и мешают нам достичь собственных целей в этой войне, – с досадой заключил Новосад.

– А какие, сударь, цели, по вашему разумению, имеет Россия в этой войне? – спросил прапорщика Дашевский, который в это время раздумывал над сообщением агента, брат которого служил на заводе «Шкода» и изъявлял желание организовать там взрывы генераторов за «обещанное место в России».

– Ну конечно же это освобождение от унижительного немецкого гнета, который несколько десятилетий тяготеет над Россией, – уверенно заявил прапорщик.

– А как же наша святая миссия освобождения славянства, в том числе подъяремной многострадальной Червонной Руси, откуда мы слышим вековые воздыхания и стоны? – не без иронии спросил Дашевский.

– Одно другому не мешает. Я все же думаю, что нас подвигло на войну признание нашей собственной отсталости и наглая уверенность немцев в своем превосходстве. Посмотрите, какое негодование и презрение в народе ко всему немецкому!

– Жертвовать сотнями тысяч соотечественников на чужих землях, чтобы дать достойный отпор германской наглости? – поднял брови Дашевский.

– А какие же тогда, по вашему мнению, причины нам воевать?

– Ну, одну из них уже упомянули – это наша зависимость от европейского устройства и соответствующих договоров...

– Павел Андреевич, – повернулся Новосад к Белинскому, – а как вы считаете?

Капитан задумчиво посмотрел на молодого товарища. Он старался избегать споров о войне. Его удручало отсутствие единомышленников.

Он свято верил в догмы о защите веры, царя и отечества, усвоенные им в кадетском корпусе и укрепившиеся за годы службы. Но что касается нынешней войны, то разумных причин для России воевать не находил. А для современной Европы решать споры путем взаимного истребления вообще считал безумием. Но с кем бы он ни делился своим мнением – встречал безумную воинственность, остервенелое германофобство и антисемитизм. Шовинистический чад с первых дней войны заполнил все кругом. Даже его близкие друзья и знакомые, которых он уважал за индивидуальные суждения, порой граничащие с опасными революционными крайностями, превратились в фанатичных патриотов.

– Нам, господа, следует меньше рассуждать, – неожиданно послышался голос Корецкого, который наконец закончил рапорт о злополучном автомобиле с дамой и собакой, – а больше уповать на правоту нашего исторического дела, а точнее, на безошибочный инстинкт масс и милость Божию.

– Ну конечно, – с иронией парировал Дашевский, – русский человек во всем видит Бога, без воли которого и волос не упадет с его головы.

– А как же иначе, Владимир Михайлович. – Корецкий встал и начал расхаживать по кабинету. – Такие великие события, как эта война, не могут обойтись без участия божественной силы и высшей справедливости.

– Я с вами согласен, уважаемый Борис Зенонович, лишь в том, что народная религиозная фантазия безгранична в объяснении великих событий.

– А что это за фолиант у вас? – спросил Корецкий, заметив толстую книгу на столе Дашевского.

– Специальный номер венского издания «Reise und Sport – галицийцы», стоимостью целых пять крон, который содержит обширную и весьма ценную для нас информацию о здешнем крае. Рекомендую полюбопытствовать.

Корецкий взял книгу и стал пролистывать ее.

– Вот такую же панораму города вместе с окрестностями, только в виде дубовой модели, мне на днях предложил один из моих агентов, – ткнул он пальцем во вкладку книги. – По его заверениям, модель стоила тридцать тысяч крон, а изготавливалась инженерами по заданию австрийского штаба целых два года. Этот прохвост за указание места ее хранения пожелал, чтобы я оставил шестьсот рублей в конверте при кассе кондитерской Зочека.

– И как вы думаете поступить? – спросил заинтригованный Новосад.

– Я думаю, мой агент и так подарит мне этот макет после того, как полицейский чиновник составил на него протокол по причине продажи папирос дороже цены на этикетке.

На лицах офицеров появились улыбки.

– Интересно, – продолжал листать книгу Корецкий, – во Львове, оказывается, имеется даже своя фабрика по шлифовке бриллиантов.

Слово «бриллианты» мгновенно привлекло внимание поручика Чухно, который занимался составлением финансового отчета отделения за минувший месяц. Список затрат на оперативные нужды заканчивался расходами на чай, сапоги, тридцать бутылок красного вина для нужд штаба, телефон для связи с городами Галиции, шины и покрышки для автомобиля.

Несколько мгновений он исподлобья смотрел на Белинского, прикидывая, стоит ли уделить внимание этой бриллиантовой фабрике. Однако решил не отвлекаться – было уже запланировано более живое дело: заявление владельца бакалейной лавки по Шоссейной в доме Гитштейна-Пинхуса некоего Шпака, который доносил, что в Тарнополе, в магазине «Народной

торговли» по улице Третьего Мая, на складе спрятано большое количество полотна, белья, спиртного и других предметов, которые, по его словам, будут полезны русской армии. Владелец магазина еврей Эрлих якобы при вступлении русских войск в Тарнополь скрылся, а магазин закрыл с намерением в будущем передать весь товар австро-германцам.

Теперь Чухно предстояло убедить начальника отделения командировать его на место с проверкой. В подобных случаях тот обычно не возражал. Тем более что в итоге таких выездов Чухно обычно возвращался с ящиком конфискованного вина или какой-нибудь редкой по тем временам снедью.

Рабочий день подходил к концу, и офицеры уже собирались переместиться в соседнее здание, где в американском кафе Вассермана отметить именины государя.

Корецкий уже обговорил меню с хозяином заведения, который обещал, что на столе будет копченый сиг, язык и гусиная печенка. С собой офицеры намеревались взять несколько бутылок водки и хереса.

Белинский пожелал товарищам весело провести вечер, сам же он собирался засесть за чтением обнаруженных в библиотеке Матаховской произведений модных авторов Анри Дювернуа и Джона Голсуорси.

Глава 18

Вызов Мезенцева к Новогребельскому

Начальник жандармского управления полковник Мезенцев был срочно вызван в штаб генерал-губернатора.

Дорога до Губернаторских Валуев обычно занимала не более пяти минут, но при выезде с Коперника на Кароля Людвига полковнику пришлось задержаться и вместе с огромной толпой львовян с изумлением наблюдать, как по центральному проспекту гарцевали полки Кавказской туземной дивизии.

Воины ехали в черных бурках, черкесках и алых башлыках. Под ними были необычно косматые низкорослые лошади. Пронзительно звучала зурна. На солнце блестело золото и серебро оружия. Впереди на белом коне с винтовкой за плечами ехал мулла.

Своими впечатлениями о дикой красоте кавказцев полковник по прибытии на место поделился с генералом Новогребельским, который как раз обсуждал с помощниками переброску Дикой дивизии в район Самбора.

Все сходились во мнении, что в условиях Карпат лучших разведчиков, чем горцы с их выносливыми и неприхотливыми к корму лошадьми, не сыскать.

Кто-то заметил, что в одном из полков этой дивизии служит второй сын Льва Толстого Михаил.

– Мне однажды привелось быть свидетелем их атаки на неприятеля, – вспомнил генерал, – страшное зрелище: бешеный галоп, сатанинский оскал, глаза горят, кошмарный вой: ы-ы-ы... Беспощадный ураган, сметающий все живое на своем пути. Скачут они не тесной колонной, а редкой цепью – попасть в них трудно, и после их атаки живых среди неприятеля нет, ведь они никого не берут в плен.

– Я слышал, немцы их тоже не берут в плен, – заметил адъютант, – а жестоко пытаются, перед тем как убить.

– Да они и не сдаются, – убежденно ответил генерал.

– Тем не менее австрийцы начали сбрасывать с аэропланов воззвания к мусульманам, – заметил кто-то из помощников.

– Неудивительно, – парировал генерал, – ведь их союзница Турция объявила священную войну.

В конце концов перешли к делу.

– Получена телеграмма командующего Осадной армии генерала Поливанова. – Новогребельский обвел присутствующих строгим взглядом. – Он сообщает, что австрийцы взорвали наши подкопы под основной редут крепости и тем самым сорвали готовящийся штурм Перемышльской крепости. Все работы велись в строжайшей тайне, и Поливанов не исключает, что сведения о подкопе поступили в крепость из Львова по подземному кабелю.

«Опять этот чертов кабель! – подумал Мезенцев. – Он все-таки будет стоять мне карьеры».

Сведения о телеграфном кабеле, якобы проложенном австрийцами из Львова в Перемышльскую крепость и дальше – в Краков и Вену, являлись болезненной темой для губернаторского штаба. И хотя подобная возможность передачи шпионских сведений за сотни километров вызвала крайнее сомнение даже у губернатора, вопрос стоял на контроле Киева и требовал самого тщательного расследования.

В кабинет вошел денщик с небольшим самоваром и стал разливать чай.

– Петр Васильевич, у вас же богатейший опыт политического сыска, – генерал откинулся в кресле и перешел на назидательный тон, – вам удавалось раскручивать куда более замысло-

ватые дела. Почему вы не можете себя здесь показать? Потом, что у вас, наконец, с этим Резидентом? С ним-то сколько можно возиться?

– Ваше высокоблагородие, – собрался к непростому разговору Мезенцев, – разработка Резидента ведется с соблюдением особых мер, чтобы не дать ему обнаружить за собой даже малейших признаков наблюдения. Естественно, это весьма осложнило и затянуло работу. Арест его считаю преждевременным, ведь ничего существенного пока не добыто: ни связей, ни реальных улик шпионажа. Возможности ускорить разработку появились только сейчас, когда нам удалось подставить объекту нашего агента Солиста.

– А вы уверены в нем? – скептически заметил генерал. – Ведь ему, скорее всего, придется иметь дело с профессиональным разведчиком.

– Я думаю, да. Как-никак вся его жизнь – тоже сцена.

– Ну, так поторапливайтесь же, полковник. У нас больше нет времени. Вот почитайте, что пишут в столице о происходящем всего в ста верстах от Перемышля. – И генерал взял и швырнул на стол номер «Русского инвалида».

Глава 19

Запрос из Киева

Через пару дней уже генералу Новогребельскому пришлось держать ответ и выслушивать крайнее недовольство состоянием дел в подвластных ему структурах губернатора Бобринского. Причиной тому стала телеграмма, полученная из Киева, со следующим содержанием:

«по нашим сведениям в пределах галиции вообще и в городе Львове в особенности в сильной степени прогрессирует шпионаж прошу уведомить что обнаружено за последнее время в этом направлении и какие меры на будущее желательно признать необходимыми для пресечения шпионажа в самом его корне во вверенном вам районе».

– Ну-с, генерал, и что вы изволите отвечать? – с хмурым выражением спрашивал Новогребельского губернатор.

– Я думаю, ваша светлость, нам не стоит лукавить – начал объясняться генерал. – Со шпионами во Львове мы и в самом деле еще не разобрались, хотя сейчас в разработке имеется весьма перспективное дело, которое, я надеюсь, ответит на многие вопросы. Мне кажется, в ответе следует сделать акцент на серьезных препятствиях, которые не позволяют нам эффективно осуществлять работу по розыску шпионов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.